

GISAP:

HISTORY AND PHILOSOPHY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№6 Liberal* | June 2015

Expert board:

Seville Ismailova (Azerbaijan), Bernhard Neumann (Germany), Alexey Kononov, Gulzira Seksenbayeva (Kazakhstan), Alexander Sorokin, Helen Shentseva, Marina Dedyulina (Russia), Pak Sung Hoon (South Korea), Olivia Thatcher (UK).

Dear readers!

History, Philosophy – there is such a huge list of related specific fields and theoretical concepts... Indeed it is a real world outlook polyhedron! Boundaries between its segments are often transparent and unnoticeable, its planes turn one into another smoothly, and edges flow in logic correlation. It is hard to find an entity more mysterious by its form, rich by its inner content and equal in every of its parts than the array of human knowledge about himself and the world around. It is difficult to call the system of human knowledge a diamond – aesthetically and geometrically perfect polyhedron. The diamond embodies an absolute harmony. On the other hand, our knowledge about any objective entities will inevitably be relative and have limited trustworthiness. At the same time an inexorable logic of cognition is not in possession of truth but in importance of the process of understanding itself – a progress towards the true knowledge. Being the qualitative attribute of the purpose of cognition truth often has strategically important, but at the same time ephemeral, significance. The process of cognition is an everlasting evolutionary dynamics, in which the elements of truth act only as temporary formations of sense, intermediate stages and starting points for further development...

But why are such global and general characteristics of epistemology mentioned in connection with the above-stated systems of knowledge? Obviously, because it is possible to reasonably characterize and systematize all the hierarchy of human knowledge in its rational and irrational parts from the point of view of History and Philosophy. These fields of cognition are not an intellectual basis of human life, but they keep and interpret the past, explain the present and make forecasts for the future.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
June 16, 2015

GISAP: History and Philosophy №6 Liberal* (June, 2015)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2054-6467
ISSN 2054-6475 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Standichenko, Valentina Kuznetsova

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

A. Zakharova , <i>Novosibirsk State Technical University, Russia</i> PROBLEMS OF FORMATION OF THE LIMOLOGY CONCEPT OF «STATE BORDER».....	3
M. Treschalín , <i>Moscow State Technological University «STANKIN», Russia</i> PECULIARITIES OF DESIGNING OF FACES AND FOUNDATION OF THE CHEOPS PYRAMID.....	7
K. Gedgaudaitė , <i>MykolasRomeris University, Lithuania</i> INTERNET AND DIGITAL ARCHIVE: PRACTICES, PECULIARITIES AND CHALLENGES.....	11
P. Starikov , <i>Siberian Federal University, Russia</i> NECESSARY LEVELS OF SYSTEMS ANALYSIS AND MANAGEMENT OF THE SOCIETY'S INTEGRITY RESOURCES.....	14
G. Goleva , <i>Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia</i> FORMATION OF EMOTIONAL STABILITY AS THE KEY COMPETENCE OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS.....	19
P. Starikov. , <i>Siberian Federal University, Russia</i> THE ALL-UNITY PHILOSOPHY AS THE METHODOLOGICAL BASE FOR ANALYSIS OF THE MODERN CREATIVE OUTLOOK	23
I. Illin , <i>Kharkiv National University named after V.N. Karazin, Ukraine</i> THE BRAND GENEALOGIES.....	29
M. Arkaeva , <i>Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia</i> EMPIRICAL-EXPERIMENTAL RESEARCH ON FORMATION OF SENSE-OF-LIVING ORIENTATIONS OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS AT THE UNIVERSITY CONDITIONS.....	34
V. Shayahmetova , <i>Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia</i> RESEARCH ON THE FORMATION OF INVARIANT AND PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF FUTURE EDUCATORS-PSYCHOLOGISTS.....	37

CONTENTS

Захарова А.В., <i>Новосибирский государственный технический университет, Россия</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИМОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА».....	3
Трещалин М.Ю., <i>Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Россия</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГРАНЕЙ И ОСНОВАНИЯ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА.....	7
K. Gedgaudaitė, <i>MykolasRomeris University, Lithuania</i> INTERNET AND DIGITAL ARCHIVE: PRACTICES, PECULIARITIES AND CHALLENGES.....	11
Стариков П.А., <i>Сибирский федеральный университет, Россия</i> НЕОБХОДИМЫЕ УРОВНИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ ЦЕЛОСТНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	14
Гольева Г.Ю., <i>Челябинский государственный педагогический университет, Россия</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ.....	19
Стариков П.А., <i>Сибирский федеральный университет, Россия</i> ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ТВОРЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ.....	23
Ильин И.В., <i>Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина</i> ГЕНЕАЛОГИИ БРЕНДА.....	29
Аркаева Н.И., <i>Челябинский педагогический университет, Россия</i> ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ВУЗА.....	34
Шаяхметова В.К., <i>Челябинский государственный педагогический университет, Россия</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВАРИАНТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ.....	37

PROBLEMS OF FORMATION OF THE
LIMOLOGIC CONCEPT OF «STATE
BORDER»

A. Zakharova, Senior Lecturer
Novosibirsk State Technical University, Russia

This work is focused on the development of methodologies in studying and understanding of the state border. Today, due to the formulated limologic concept, the «state border» is perceived as an integral and hierarchically organized system, being the result of a longstanding historical and geopolitical development, and is also the facet of ethnic and political identity.

Keywords: spatial forms, historical and geographical images, limologic concepts, state borders.

Conference participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИМОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА»

Захарова А.В., ст. преподаватель
Новосибирский государственный технический
университет, Россия

В данной работе рассматривается развитие методологий в исследовании и осмыслении государственной границы. В настоящее время благодаря сформированной лимологической концепции «государственная граница» представляется как целостная и иерархически организованная система, являющаяся результатом длительного исторического и геополитического развития, часть этнической и политической идентичности.

Ключевые слова: пространственные образы, историко-географические образы, лимологические концепции, государственные границы.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1053>

Пространство – одна из базовых философских категорий, которая, являясь предметом изучения различных наук, порождает особые измерения конструируемых образов пространства (географических образов). Проблемы выявления главных параметров и элементов пространственных образов, их взаимодействия оказываются актуальными как в сфере научного поиска гуманитарных дисциплин (философия, история, политология, геополитика и др.), так и в сфере практической деятельности человека – международные отношения, внешняя и внутренняя политика стран, охрана территорий, социально-экономическое развитие различных регионов и государств. Традиции исследований образов пространства заложены в философии, концепции которой предложили варианты элементов: центр – периферия (И. Валлерстайн) [6, С. 38], Внешнее и Внутреннее (Л. Киркегор) [11, С. 63], свое-чужое (М. Хайдеггер) [16, С. 312]. В частности последнюю категорию вводит М. Хайдеггер, рассуждая о невозможности существования человека без «своего» пространства [16, С.312-316]. Данные элементы дают возможность говорить о присутствии явно выраженной границы между ними. Целью работы является понимание государственной границы как части общего пространства.

Географическое пространство как

объект научного интереса является динамичным, по мере основания неизведанных территорий сам образ меняет свои очертания, что приводит к увеличению числа осмыслений пространственно-географических представлений, которые в каждый конкретный момент времени максимально удовлетворяли потребностям научного общества. В истории отечественной философии рубежа XX-XXI вв. анализ географического пространства связан с работой В.А. Подороги, в которой, основываясь на трудах Ф. Ницше, Л. Киркегора, М. Хайдеггера и др., автор выявляет и понимания пограничных, лиминальных пространств, или «пространства-на-границе» [11, С.77-78]. Актуальность государственной границы и пограничного пространства добавляет относительно недавнее выделение её в самостоятельную отрасль научного знания дисциплин (лимологии и погранологии). В целом понимание границ было заложено еще традиционной геополитикой, трансформировалось новой и новейшей геополитикой, которая позволяет выявить общее представление организации геополитических процессов [9, 10, 13, 17 и др.] в целом, и организации пограничного пространства в частности [4, 6, 8, 12, 14 и др.].

Понятие «государственная граница» постоянно трансформировалось: в первую очередь, «государственная

граница» – особая линия на местности, которая проводилась либо искусственно, либо по естественным рубежам, что отразилось в создании концепции «естественных границ» в конце XIX в [1, С. 268]. Ф. Ратцель [13, С. 13], а вслед за ним К. Хаусхофер [17, С. 15-17] развивали теорию «жизненного пространства», при которой государство естественным образом стремится к территориальному расширению, что дает возможность к «бесконечному» пересмотру государственных границ.

Лимологическая исследовательская традиция XIX – середины XX вв. опиралась на следующие подходы: 1) историко-географический, сутью которого являлось накопление эмпирических данных, картографирование экономических и социальных структур в приграничных регионах, исследования конкретных ситуаций и 2) типологический, который несмотря на подробную разработку различных типов границ, повсеместно применял европейской концепции политической границы как жестко фиксированной на местности линии [7, С. 46-47]. Все это привело к расширению представлений об эволюции государственных границ в пространстве, а свойства и конфигурация границ сводилось к объяснению о соотношении сил между государствами.

Геополитика, география и история ввели особое понятие «историко-гео-

графические образы», возникающие в переходных зонах, на стыках, в пограничных полосах. Возможны переходные зоны, которые могут быть шире, чем чистые зоны или ареалы, их разграничивающие [14, С.22]. Выделяются разные типы границ, среди которых важно отметить пороговые границы (между качественно различными ареалами) [14, С.23] и квазиграницы (линии контраста или контакта разнородных явлений, слабо, неявно проступающие из континуальной фактуры земной поверхности [3, № 2. С. 64-77. № 3. С. 145-146]). Пороговые границы, как правило, внутренне неоднородны, неустойчивы структурно и являются эпицентрами возмущений. Некоторые государственные границы совпадают с контрастными этническими, культурными и лингвистическими рубежами и выделяются сильными барьерными функциями и конфликтностью. Такие границы называют фронтальными или квазиграницами. На наш взгляд, типичным примером пороговой границы является российско-китайская граница, которую можно описать как «зону борьбы, взаимодействия, переплетения различных географических представлений, сформированных в разных цивилизационных и культурных мирах и облеченных чаще всего в легендарно-визионерскую упаковку» [14, С. 25].

На протяжении XX в. происходила трансформация понимания сущности государственных границ. Так, немецкий философ К. Шмитт, написавший ряд работ, посвящённых «номосу земли», принципу, интегрирующему территориальную геополитическую организацию пространства и особенности его государственного устройства, правовой системы, социального и духовного склада [18, С. 43-48], выделяет различия в организациях «номоса земли» (странах/цивилизациях), которые приводят к тому, государственная граница перестаёт быть «просто линией на местности», а переходит в категорию сложно структурно организованных систем, которую географы, а вслед за ними и представители и других сфер научных знаний стали называть пограничное пространство. Резюмируя, можно сказать, что к настоящему времени философское понимание границы связано с кате-

горией пространства. Под границей понимается «совокупность структурных элементов особой организации, подразумевающей внутреннюю упорядоченность более или менее дифференцированных элементов пограничной периферии, обусловленных ее строением, а также совокупность процессов и действий, ведущих к эволюции взаимосвязей между пограничной периферией и политическим центром государства и являющихся результатом осуществляемых им хозяйственных и политико-административных мер, обусловленных содержанием глобальных и региональных геополитических процессов» [15, С. 146].

В конце XX в. произошло, как уже отмечалось, выделение особой отрасли научного знания – лимологии, что позволило по-новому теоретически осмыслить понятие «государственных границ», на рубеже XXI в. можно сложились следующие постмодернистские подходы:

1. «Миросистемно-идентичностный» подход (синтез теории мировых систем» и «послебартовской» теории территориальных идентичностей). Сущность подхода: во-первых, в сопряженном изучении «места конкретной границы во всей системе мировых границ на разных пространственных уровнях – от глобального до локального» [5, С. 117-119]; во-вторых, исследования современных границ через изучение возникновения и эволюции территориальной идентичности.

2. Геополитические подходы (воздействие процессов глобализации и интеграции на политические границы). В этом подходе выделяются два направления исследований:

а) исследование воздействия глобализации и интеграции на политические границы, суть которого можно свести в высказыванию Б.Андерсона «любая политико-административная граница нацелена внутрь, чтобы объединить социальную группу, и вовне, чтобы отделить ее и ее территорию от соседей» [7, С. 52], т.е. политические, административные и культурные границы составляют единую, целостную и иерархически организованную социальную систему. Элементы этой системы весьма устойчивы, несмотря на частую перекройку границ.

б) Исследования границ с точки зрения безопасности. Представления о границах связаны с понятием национальной безопасности и использованием для ее обеспечения государственного аппарата насилия. В рамках этого подхода граница – естественное место дислокации пограничной, таможенной и других служб, повышенной концентрации войсковых частей, особенно на угрожаемых, с точки зрения общественного мнения, направлениях [4, С.11] (что является предметом изучения погранологии). Восприятие безопасности конкретной границы зависит от ее символической роли, исторических традиций, имиджа, современного дискурса.

3. Границы как социальные представления (граница как социальный конструкт, отражение прошлого и настоящего состояния общественных отношений, их роли как социального символа и значения в политическом дискурсе) [5, С. 120].

4. «ПВП-подход» («политика – восприятие – практика») – это изучение взаимосвязи между политикой, определяющей проницаемость границы, ее восприятием людьми и практикой различных видов деятельности, связанной с границей. В рамках этого подхода граница рассматривается двояко: международно-правовой институт, который обеспечивает суверенитет и целостность государственной территории, а также «продукт деятельности жителей приграничных районов, результат длительного исторического и геополитического развития, важный символический маркер этнической и политической идентичности» [7, С. 59]. Важным аспектом становится восприятие границы, то есть характер, эволюция и каналы влияния на социальные представления о границе, приграничных районах, отношениях соседних государств и районов, приграничном сотрудничестве.

В рамках последнего подхода можно выделить стратегии создания и развития представлений о пространстве в целом, и о границе в частности. Д.Н. Замятин [здесь и далее: 2, С. 146-165] обобщающие типы таких стратегий, в той или иной форме характерных практически для любой из

исследованных сфер деятельности. Первый из обобщающих типов таких стратегий – это разработка перспективного образа какого-либо объекта, в котором предполагается наличие элементов, отсутствующих или незначительно присутствующих в характеристике объекта в настоящее время. Подобная стратегия получила название стратегии образно-географического «аванса». Второй обобщающий тип образно-географических стратегий включает в себя стратегии, ориентированные на использование при создании пространственного образа объекта его исторического, политического, культурного, экономического прошлого. Такой тип стратегий в целом можно назвать пассеистическим (от слова «пассеизм» – культивирование прошлого, любование прошлым), или ретроспективным. Третий тип обобщающих стратегий объединяет стратегии, направленные на максимальное использование образно-географического контекста. Предполагается, как правило, что создание географического образа какого-либо объекта должно учитывать отношения объекта со средой, а также трансформировать содержание и характер этих отношений в соответствующие архетипы, знаки и символы. Эти стратегии называются контекстными. В зависимости от сферы деятельности, на основе уже выделенных обобщающих типов стратегий, возможно выделение частных, специфических образно-географических стратегий в различных сферах и видах деятельности, а как следствие и понимания лимнологического представления государственных границ.

При интерпретации историко-географических образов границ выделяются две базовые стратегии – экстенсивная (или расширяющая) и интенсивная (или уплотняющая) [4, С. 14-15]. Экстенсивная стратегия интерпретации направлена на расширение первоначально рассматриваемого историко-географического образа определенной границы. Это расширение может быть и буквальным – увеличивается размер исследуемой территории, и искусственно отодвигаются границы «своей» территории в ущерб странам-соседям. Многочисленные мелкие факты собираются во-

круг определенных историко-географических точек, как бы фиксирующих первоначальную историко-географическую границу. Политика государства, каких-либо властных групп или структур может/должна включать в себя элементы управления и манипулирования теми или иными историко-географическими образами границ, важными для решения конкретных внешне- и внутривластных задач. Вторая же базовая стратегия (интенсивная) не является ведущей в создании образа границы, т.к. является приуменьшающей исторический путь развития государства.

Таким образом, государственная граница является неотъемлемой частью осмысления географических/геополитических пространств, при чем понимание границы только как некой линии, проводимой между двумя и более «территориальными идентичностями» (государствами), было недолгим. Граница стала пониматься как особое организованное пространство, в котором политические, административные, военные, экономические и культурные границы составляют единую, целостную и иерархически организованную социальную систему. Системной функцией существования пограничного пространства является его необходимость для обеспечения устойчивости государства в геополитических процессах способность к сохранению и воспроизводству барьерных и контактных свойств.

References:

1. Armand D.L. Proiskhozhdenie i tipy prirodnykh granits [Origins and types of natural boundaries]., D.L. Armand, Izvestiya VGO. - 1955., No. 3., pp. 266-278.
2. Zamyatii D.N. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Meta-geography: space of images and images of space]., DN. Zamyatin. - Moscow., Agraf, 2004. - 512 p.
3. Zamyatin D.N. Modelirovanie geopoliticheskikh situatsii (Na primere Tsentral'noi Azii vo vtoroi polovine XIX veka) [Modeling geopolitical situations (Central Asia in the second half of the XIX century as the example)]., D.N.

Zamyatin, Politicheskie issledovaniya [Political studies]. - 1998., No. 2., pp. 64-77., No. 3., pp. 133-147.

4. Zamyatin D.N. Strategii reprezentatsii i interpretatsii istoriko-geograficheskikh obrazov granits [Representation and interpretation strategies in relation to historical and geographical forms of boundaries]., D.N. Zamyatin, Vestnik istoricheskoi geografii. [Historical geography bulletin]. - Moskva-Smolensk., Oikumena., 2001., No. 2., pp. 4-15.

5. Zamyatin D.N. Struktura i dinamika politiko-geograficheskikh obrazov sovremennogo mira [Structure and dynamics of the political and geographical forms of the modern world]., D.N. Zamyatin, Politiya. - 2000., No. 3 (17)., pp. 116-122.

6. Kaganskii V.L. Tsentroprovintsiya-periferiya-granitsa. Sistema pozitsii dlya regionov [Centre-province-periphery-border. System of positions for regions]., V.L. Kaganskii, Polyusa i tsentry rosta v regional'nom razviti [Poles and growth centers in the regional development]., Edited by Yu.G. Lipetsa. - Moscow., IG RAN, 1998., pp. 36-42.

7. Kolosov V.A. Politicheskaya limologiya: novye podkhody [Political limology: new approaches]., V.A. Kolosov, Mezhdunarodnye protsessy [International Processes]., 2004., Vol. 2., No. 1 (4)., pp. 40-65.

8. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskayageografiya [Geopolitics and political geography]., V.A. Kolosov, N.S. Mironenko. - Moscow., Aspekt Press, 2001. - 479 p.

9. Lamanskii V.I. Tri mira Aziiskoi Evropeiskogo materika [Three worlds of the Asian-European continent]., V.I. Lamanskii. - Pg., 1916. – 132 p.

10. Makkinder Kh.Dzh. Geograficheskaya os' istorii [Geographical axis of history]., Kh.Dzh. Makkinder. – Polis. – 1995., No. 4., pp. 162–169.

11. Podoroga V.A. Vyrazhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii [Expression and meaning. Landscape worlds of philosophy]., V.A. Podoroga. - Moscow., «Ad Marginem», 1995. - 428 p.

12. Prokhorenko I. Ponyatie granitsy v sovremennoi geopolitike [The concept of “border” in modern geopolitics] I. Prokhorenko, Geopolitika: teoriya i

praktika.[Geopolitics: theory and practice] - Moscow., IMEMO, 1993., pp. 76-101.

13. Rattsel' F. Narodovedenie [Ethnography] F. Rettsetl, Klassika geopolitiki, XIX vek [Classics of geopolitics, XIX century]: Collection., Sost. K. Korolev. - Moscow., OOO «Firma Publisher ACT», 2003., pp. 9-36.

14. Rodoman B.B. Osnovnye tipy geograficheskikh granits [The main types of geographic borders], B.B. Rodoman., Geograficheskie granitsy [Geographic borders]. - Moscow., Publishing house of the Moscow University., 1982., pp. 19-33.

15. Tynyanova O.N. Organizatsiya pogranichnogo prostranstva sovremennogo Rossiiskogo gosudarstva kak faktor ustoychivosti v geopoliticheskikh protsessakh [Organization of border space of the modern Russian state as a stability factor in geopolitical processes], O.N. Tynyanova, Diss. nasoiskanieuch. step. polit. nauk. [Dissertation for getting academic degrees of political science] - Moscow., 2008. - 219 p.

16. Khaidegger M. Iskusstvo i prostranno [Art and extensively], M. Khaidegger, Khaidegger M. Vremya i bytie [Time and existence]. - Moscow., Respublika, 1993. - pp. 312-316.

17. Khaushofer K. O geopolitike. Raboty raznykh let [On the geopolitics. Works of different years], K. Khaushofer. - Moscow., Mysl', 2001. - 426 p.

18. Shmitt K. Nomos Zemli [Nomos of the Earth], K. Shmidt. - Moscow., Vladimir Dal', 2008. - 672 p.

Литература:

1. Арманд Д.Л. Происхождение и типы природных границ., Д.Л. Арманд., Известия ВГО. - 1955., № 3., С. 266-278.

2. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства., Д.Н. Замятин. - М., Аграф, 2004. - 512 с.

3. Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века), Д.Н. Замятин., Политические исследования. - 1998. - № 2., С. 64-77., № 3., С. 133—147.

4. Замятин Д.Н. Стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ., Д.Н. Замятин., Вестник исторической географии Москва-Смоленск: Ойкумена, 2001., № 2., С. 4-15.

5. Замятин Д.Н. Структура и динамика политико-географических образов современного мира., Д.Н. Замятин., Полития. - 2000., Осень., № 3 (17), С. 116-122.

6. Каганский В.Л. Центр-провинция-периферия-граница. Система позиций для регионов., В.Л. Каганский., Полюса и центры роста в ре-

гиональном развитии., Под ред. Ю.Г. Липеца. - М., ИГ РАН, 1998., С. 36-42.

7. Колосов В.А. Политическая лимология: новые подходы., В.А. Колосов., Международные процессы, 2004., Том 2., № 1 (4), С. 40-65.

8. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география., В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. - М., Аспект Пресс, 2001. - 479 с.

9. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка., В.И. Ламанский. - Пг., 1916. - 132 с.

10. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории., Х.Дж. Маккиндер. - Полис., 1995., № 4., С. 162-169.

11. Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии., В.А. Подорога. - М., «AdMarginem», 1995. - 428 с.

12. Прохоренко И. Понятие границы в современной геополитике., И. Прохоренко., Геополитика: теория и практика. - М., ИМЭМО, 1993., С. 76-101.

13. Ратцель Ф. Народоведение., Ф. Ретцель., Классика geopolitiki, XIX век: Сб., Сост. К. Королев. - М., ООО «Фирма Издательство АСТ», 2003., С. 9-36.

14. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ., Б.Б. Родоман., Географические границы. - М., Изд-во Моск. Ун-та, 1982., С. 19-33.

15. Тынянова О.Н. Организация пограничного пространства современного Российского государства как фактор устойчивости в геополитических процессах., О.Н. Тынянова., Дисс. на соискание уч. степ. полит. наук. - М., 2008. - 219с.

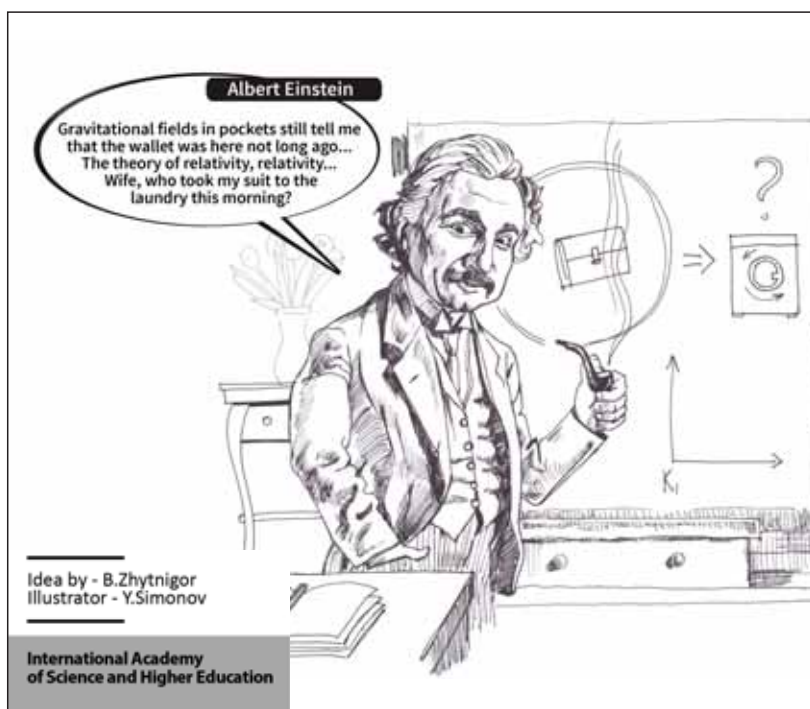
16. Хайдеггер М. Искусство и пространство., М. Хайдеггер., Хайдеггер М. Время и бытие. - М., Республика, 1993., С. 312-316.

17. Хаусхофер К. О geopolitike. Работы разных лет., К. Хаусхофер. - М., Мысль, 2001. - 426 с.

18. Шмитт К. Номос Земли., К. Шмидт. - М., Владимир Даль, 2008. - 672 с.

Information about author:

1. Anna Zakharova - Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University; address: Russia, Novosibirsk city; e-mail: sah31zah@mail.ru

PECULIARITIES OF DESIGNING OF FACES AND FOUNDATION OF THE CHEOPS PYRAMID

M. Treschalin, Doctor of Technical sciences, Full Professor
Moscow State Technological University «STANKIN», Russia

This article contains the results of calculation of geometric characteristics of faces and foundation of the Cheops pyramid, assuming that they are a kind of lenses that concentrate energy of the Earth and the Sun inside the pyramid.

Keywords: pyramid, faces, focus, energy, lens, optical axis.

Conference participant, National Research Analytics Championship

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГРАНЕЙ И ОСНОВАНИЯ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА

Трещалин М.Ю., д-р техн. наук, проф.
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Россия

В статье изложены результаты расчета геометрических характеристик граней и основания пирамиды Хеопса, исходя из предположения о том, что они являются своеобразными линзами, концентрирующими энергию Земли и Солнца внутри пирамиды.

Ключевые слова: пирамида, грани, фокус, энергия, линза, оптическая ось.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

<http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1054>

Рассматривая грани как основной элемент, воспринимающий солнечную энергию, необходимо остановиться на особенностях их формы.

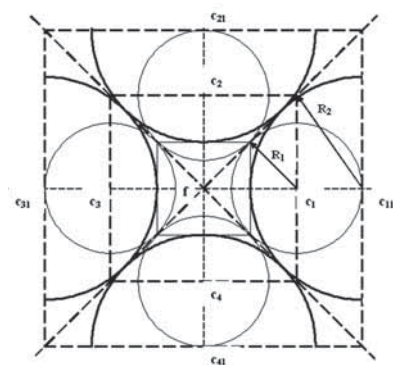

Рис. 1. Принципиальная схема проектирования граней.

В статье, опубликованной в журнале «Фэйт» за ноябрь 1996 года, американский инженер Р.Д. Маннерс, сообщает, что: «В первоизданном виде Великую пирамиду отличали две особенности: сверкающие поверхности и... вогнутые в средней части грани! ... В 1880-х годах, этот факт подтвердил ... Флиндерс Петри. ... И лишь уже в наши дни аэрофотосъемка ... П. Гровса ... показала, что вогнутость граней ... действительно имеет место... По-видимому, главный строитель Великой Пирамиды скрыл от своих последователей смысл и предназначение вогнутостей» [1]. По мнению Р.Д. Маннерса, вогнутые «зеркала» на гранях общей площадью около 15 гектаров служили для фокусировки лучей в день летнего солнцестояния. Здесь нельзя не упомянуть точку зрения некоторых исследователей, объяс-

няющих причину вогнутости граней пирамиды Хеопса землетрясениями, эрозией, оптическим обманом зрения или повреждениями, обусловленными падением каменной облицовки, которая была идеально ровной и скрадывала вогнутость. I.E.S. Edwards считает, что центральная часть каждой стороны со временем вдавилась внутрь от большой массы блоков. До сих пор нет убедительного научного объяснения этой особенности архитектуры.

Логично предположить, что основание пирамиды, подобно граням, также концентрирует энергию Солнца и Земли. Вполне вероятно, скальный «постамент», на котором воздвигнута пирамида Хеопса, выбран с целью максимального аккумуляирования солнечной энергии. Вследствие термического расширения строительных материалов (блоков) и наличия полостей (камер, коридоров, вентиляционных шахт и т.п.) внутри пирамиды возникали звуковые колебания в широком диапазоне частот, особенно низких и сверхнизких. «... Среди сверкающего

света и грохота от центрального вихря над вершиной Пирамиды исторгались вверх волны раскаленного воздуха» [1]. Из приведенных материалов следует, что основание и грани, не только воспринимают, но и фокусируют солнечную энергию в определенных внутренних помещениях пирамиды, являясь своеобразными линзами. Таким образом, задача сводится к определению профиля собирающих «линз», которыми, по сути, являются грани, и, как следствие, выявлению главной оптической оси и точки фокуса f .

Наилучшим вариантом конструкции принимающей системы, с точки зрения энергетической эффективности ее функционирования, была бы сферическая форма боковых сторон. Однако, в реальных условиях создать пирамиду, у которой грани имели бы вместо треугольной поверхности окружность, крайне затруднительно.

В идеале, линза представляет собой половину шара с центром на середине грани и диаметром, равным ее высоте. Но в этом случае происходит

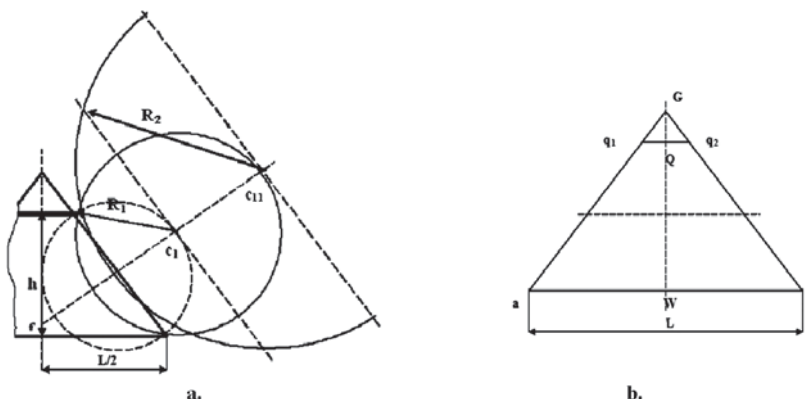

Рис. 2: а - сечение пирамиды; б – грань.

пересечение сферических поверхностей, что в принципе не возможно. Поэтому максимальная выпуклость грани будет определяться дугой окружности, имеющей радиус R_1 , ограниченной хордой, которой является сторона куба и его диагоналями. Центры окружностей располагаются в точках c_1, c_2, c_3, c_4 пересечения линий, соединяющих середины противоположных граней и первоначально построенных окружностей (рис. 1). Определение радиуса кривизны внешней поверхности R_2 производится аналогичным образом, т.е. центры окружностей $c_{11}, c_{22}, c_{33}, c_{44}$ находятся в точке пересечения оси и окружности, радиуса R_1 , а R_2 , так же как и R_1 , представляет собой перпендикуляр, проведенный из центра окружностей к диагонали куба.

Изложенный для куба принцип проектирования граней, как концентраторов внешних энергетических потоков, может быть использован применительно к пирамиде. При этом следует рассмотреть два варианта, когда внешняя поверхность грани плоская и вогнутая внутрь. Тогда в качестве аналога служат плоско-выпуклая и вогнуто-выпуклая (положительный мениск) линзы соответственно. В обоих случаях главная оптическая ось является перпендикуляром, проходящим через середину грани, которая является равнобедренной (равнобокой) трапецией. Треугольные грани, по сравнению со сторонами куба, предполагают изменение формы линзы, которая будет весьма схожа с половиной куриного яйца, разрезанного вдоль наибольшей оси. Профиль выпуклой внутренней поверхности граней определяется дугой окружности, радиуса R_1 , ограниченной хордой, равной высоте стороны усеченной пирамиды. Центр этой окружности будет находиться на главной оптической оси, на расстоянии, соответствующем половине хорды от плоской поверхности грани (точка c_1 на рис. 2а).

Вогнутость внешней поверхности выявляется посредством построения окружности, центр которой располагается на удалении R_1 от точки c_1 (точка c_{11} на рис. 2а). Радиус окружности R_2 представляет собой гипотенузу треугольника, один из катетов которого равен величине высоты грани усеченной пирамиды, а другой – R_1 .

Табл.1.

Геометрическая характеристика	Численное значение
Исходные данные	
Базовый размер	$K = 92.48718157$.
Высота усеченной пирамиды	$h = 1.5 \cdot K$
Полная высота пирамиды	$H_{\text{пол}} = K \cdot \Phi$
Сторона основания:	$L = 2 \cdot K \cdot \Phi^{0.5}$
Угол наклона грани, град.:	51.8272923°
Расстояние от источника энергии до поверхности грани (линзы):	∞

Табл.2.1.

Геометрическая характеристика	Численное значение
Высота грани пирамиды:	
- усеченной	$QW = 1.5 \cdot K / \sin(51.8272923^\circ) = 1.9080295 \cdot K$
- полной (апофема)	$GW = K \cdot \Phi / \sin(51.8272923^\circ) = 1.27201965 \cdot K$
Геометрический центр грани (половина высоты) усеченной пирамиды по отношению к основанию	$0.95401475 \cdot K = 1.9080295 \cdot K / 2$
Угол наклона ребра по отношению к апофеме	$Gac = \arctg[GW/(L/2)] = 45^\circ K$
Угол наклона ребра по отношению к высоте пирамиды	$\arctg[K \cdot \Phi / (2^{0.5} \cdot L/2)] = 41.9699152^\circ$
Длина ребра усеченной пирамиды	$cq_2 = 1.5 \cdot K / \sin(41.9699152^\circ) = 2.243023172 \cdot K$
Длина ребра пирамиды с учетом мнимой вершины	$cG = K \cdot \Phi / \sin(41.9699152^\circ) = 2.419525155 \cdot K$
Угол, образованный пересечением главной оптической оси (перпендикуляра, проведенного к грани), с вертикальной осью пирамиды по отношению к основанию (горизонтали)	$38.1727077^\circ = 90^\circ - 51.8272923^\circ$
Расположение на вертикальной оси пирамиды точки пересечения перпендикуляров (фокуса), проведенных через центр грани, по отношению к основанию	$Wf = K \cdot \Phi - [(1.27201965 \cdot K - 0.95401475 \cdot K) / \cos(38.1727077^\circ)] = 1.213525508 \cdot K$
Расстояние по главной оптической оси (перпендикуляру) от внешней стороны грани до точки фокуса:	$(1.27201965 \cdot K - 0.95401475 \cdot K) \cdot \cos(51.8272923^\circ) / \cos(38.1727077^\circ) = 0.750000012 \cdot K$

Максимальная толщина линзы вычисляется как разность радиусов $2 \cdot R_1 - R_2$. Результаты расчета геометрических и оптических характеристик пирамиды, проведенные в соответствии с исходными данными (табл. 1 и схемой рис. 2), приведены в табл. 2.1 и 2.2.

Анализируя результаты расчетов, следует отметить следующее:

- точка фокуса практически совпадает с центром окружности, в которую вписан треугольник, являющийся вертикальным сечением усеченной пирамиды;

- вогнутость в центре внешней поверхности граней составляет:

$$R_2 - (R_1 + 0.95401475 \cdot K) = 0.033653996 \cdot K;$$

- значения радиусов кривизны поверхностей граней связаны между собой соотношением $R_2 = 3^{0.5} \cdot R_1$;

- так называемые «вентиляционные шахты», ведущие в «Камеру царицы» пирамиды Хеопса, имеют углы наклона по отношению к горизонтальной плоскости 37.47° (северная) и 39.5° (южная), что достаточно близко к полученному углу наклона оптической оси 38.1727077° .

Табл.2.2.

Геометрическая и оптическая характеристика	Численное значение, если грань:	
	Плоско-выпуклая	Вогнуто-выпуклая
Радиусы кривизны (центры сферических поверхностей на главной оптической оси):		
- внутренней сферической поверхности грани: $R_1 = 0.95401475 \cdot K \cdot 2^{0.5}$	1.349180598·K	
- внешней сферической поверхности грани, R_2 :	∞	$R_2 = 0.95401475 \cdot K \cdot 6^{0.5} = 2.336849345 \cdot K$
Максимальная толщина линзы δ :	$\delta_{\Pi} = R_1 - 0.95401475 \cdot K = 0.395165848 \cdot K$	$\delta_B = 2 \cdot R_1 - R_2 = 0.361511852 \cdot K$
Оптический центр грани (середина максимальной толщины линзы) по отношению к центру сферической поверхности O:	$O_{\Pi} = 0.95401475 \cdot K + (R_1 - 0.95401475 \cdot K)/2 = 1.151597674 \cdot K$	$O_B = R_2 + (2 \cdot R_1 - R_2)/2 = 2.51760527 \cdot K$
Фокусное расстояние (расстояние от оптического центра до точки фокуса) F:	$F_{\Pi} = 0.75 \cdot K - (O_{\Pi} - 0.95401475 \cdot K) = 0.552417076 \cdot K$	$F_B = 0.75 \cdot K - [O_B - (R_1 + 0.95401475 \cdot K)] = 0.535590078 \cdot K$

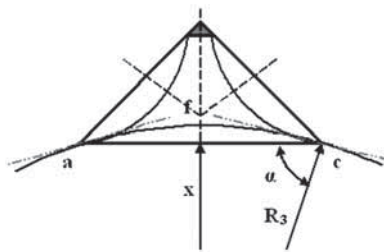

Рис.3. Схема проектирования основания пирамиды

Создается впечатление, что пирамида возводилась для накопления энергии в кристалле, находящимся внутри пирамиды, а углы наклона граней выбирались по направлению на определенные созвездия, тогда «вентиляционные шахты» служили своего рода прицельными отверстиями при строительстве Великой пирамиды. Отдельно необходимо рассмотреть вопрос показателя преломления материала «линзы».

Используя известную в оптике формулу: $1/(n-1) = F \cdot [(1/R_1) - (1/R_2) + (n-1) \cdot \delta / (n \cdot R_1 \cdot R_2)]$, были определены значения показателя преломления материала грани (линзы) n в зависимости от профиля внешней поверхности: - плоская ($R_2 \rightarrow \infty$): $1/(n_{\Pi}-1) = F_{\Pi}/R_1$; $\rightarrow n_{\Pi} = (R_1/F_{\Pi}) + 1 = 3.4423224 \cdot K$; - вогнуто-выпуклая (положительный мениск):

$$1/(n_B-1) = F_B \cdot [(1/R_1) - (1/R_2) + (n_B-1) \cdot \delta_B / (n_B \cdot R_1 \cdot R_2)]; \rightarrow n_B = 5.583087.$$

С формальной позиции, показатель преломления линзы – характеристика прозрачного или полупрозрачного вещества. Из существующих на

Земле материалов наибольшие значения этого показателя имеют: кремний – 4.1, киноварь – 3.02, алмаз – 2.419, фианит – 2.15 ÷ 2.18. Таким образом, при строительстве пирамид, в основном, должны использоваться строительные материалы, имеющие максимальное содержание кремния.

Расчет радиуса кривизны внутренней поверхности основания пирамиды R_3 , производится по методике, изложенной применительно к граням. В качестве исходных данных при определении дуги окружности, радиуса R_3 , выступают хорда, равная стороне основания $ac = L = 2 \cdot K \cdot \Phi^{0.5}$, и касательные к выпуклой внутренней поверхности граней, проходящие под углом $51.8272923^\circ - 45^\circ = 6.8272923^\circ$ к горизонтали ac (рис. 3).

Очевидно, что центр окружности будет находиться на оси пирамиды, в точке пересечения перпендикуляров, проведенных к касательным в точках a и c . При этом угол, образованный перпендикуляром и основанием: $\alpha = 90^\circ - 6.8272923^\circ = 83.1727077^\circ$. Тогда значение радиуса $R_3 = (2 \cdot K \cdot \Phi^{0.5}) / \cos(\alpha) = 21.40061154 \cdot K$. Расстояние от центра окружности до основания $x = \sin(\alpha) \cdot R_3 = 21.24885981 \cdot K$. Таким образом, максимальная выпуклость основания по осевой линии пирамиды: $21.40061154 \cdot K - 21.24885981 \cdot K = 0.151751736 \cdot K$.

Основание, считая его, как и грани, собирающей линзой, может быть плоско-выпуклым, двояковыпуклым или вогнуто-выпуклым (положительный мениск). В связи с тем, что какая либо информация относительно про-

филя основания отсутствует, выбор одного из трех возможных вариантов проводится с учетом следующих сведений:

- пирамида концентрирует энергию не только Солнца, но и «... ви- тонное излучение ядра Земли. ... Ради оптимального приема и преломления пирамидой излучения ядра планеты и соблюдалась такая высочайшая точность строительных работ» [2];

- под пирамидой Солнца (Мексика) расположена пещера, а под египетскими пирамидами Хеопса, Хефрена и Микерина – рукотворные коридоры и помещения. Плиний-старший, посетивший подземелье Великой пирамиды в 75 году нашей эры, в своей «Естественной истории» писал: «Внутри Великой пирамиды есть шахта, около ста локтей глубины, ведущая к подземному ходу, который выводит на берег Нила»;

- пирамидальный комплекс, имеет, во-первых, форму восьмигранника, и, во-вторых, подземное продолжение, представляющее собой перевернутую вершиной вниз пирамиду.

Являясь единой частью и, своего рода, связующим звеном подземной «условной» и видимой пирамидами, основание призвано обеспечить энергетическую взаимосвязь между характерными точками: подземной и надземной вершинами и фокусом. Следовательно, его профиль должен быть симметричным относительно линии ac , т.е. иметь выпуклость в сторону, противоположную вершине реальной пирамиды. Поэтому проектировать

основание следует как двояковыпуклую линзу, что логически сочетается с функциональным назначением конструкции. В соответствии с особенностями двояковыпуклой линзы, нижняя поверхность будет являться зеркальным отображением надземного профиля основания, имеющего радиус кривизны $R_3 = 21.40061154 \cdot K$. Таким образом, грани, и основание пирамидального сооружения представляют собой линзы, предназначенные для концентрации энергии в фокусной точке внутри пирамиды.

References:

1. Velikaya Piramida Kheopsa (Khufu) [Great pyramid of Cheops (Khufu)]., Access mode: www.ufolog.ru/articles/detail.aspx?page=7&id
2. Babikov Yu.A. Nasledie predkov. Velikaya piramida – vspomogatel'noe tekhnicheskoe sooruzhenie. [The legacy of ancestors. The Great Pyramid - auxiliary technical facility]., Access mode: nakanune.babikov.com/Naslediye/nas03.html

Литература:

1. Великая Пирамида Хеопса (Хуфу)., Access mode: www.ufolog.ru/articles/detail.aspx?page=7&id
2. Бабилов Ю.А. Наследие предков. Великая пирамида – вспомогательное техническое сооружение., Access mode: nakanune.babikov.com/Naslediye/nas03.html

Information about author:

1. Michail Treschalin – Doctor of Technical sciences, Full professor, Moscow State Technological University “STANKIN”; address: Russia, Moscow city; e-mail: mtreschalin@yandex.ru

WORLD RESEARCH ANALYTICS FEDERATION

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

If you wish to know more, please visit:

<http://gisap.eu>

INTERNET AND DIGITAL ARCHIVE: PRACTICES, PECULIARITIES AND CHALLENGES

K. Gedgaudaitė, Lecturer of English Language
Mykolas Romeris University, Lithuania

This article sets out the peculiarities of digital archive practices, mainly focusing on the Internet as an archive and the ways it is used to create a “popular” archive.

Keywords: popular archive, Internet, digital technology.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1055>

Traditionally archives have been seen as a place to store knowledge under the curatorship of a figure of greater or lesser authority [see 1, 2, and 3 for discussion]. Digital technologies, however, transformed the notion of the archive, freeing some of its materials from spatial constraints and strict curatorship, as well as enabling the creation of a sort of “popular” archive alongside the a more traditional one. Today anyone having the internet connection can engage in archiving by writing a blog, uploading pictures or music and sharing them with other users. This way archiving is turned into an interactive process; users can modify the content of the material or add their comments and share their opinions. The aim of this article is to examine the features of such digitally created archives and to assess their role in the process of archiving.

Wikipedia is probably the best example to show how an online archive can become interactive. On the page of Wikipedia every user has a right to add an article, correct or enrich an article of another user with more details, delete inappropriate information, thus creating the online encyclopaedia of the world’s knowledge. Although this project has been treated quite sceptically in the beginning (“fully democratic open-source networks inevitably get corrupted by loonies” [4, p. 186]), it has gained some authority now and it is rapidly expanding, adding more and more articles in different languages every day. Another interesting example of interactive archive is Facebook. With the help of Facebook a kind of personal archive is created, adding one’s personal information, photos, status updates, favourites, list of contacts. User’s friends can post a comment that other users can see and comment upon, and thus a dialog with and about the archival material is created.

Whether there is complete lack of authority in the online archive is however a questionable issue. Surely, one is given more freedom in how to arrange the archival material, what to put there and what to exclude. However, there is still a design imposed on its content. For example, on Facebook there is a home page one is directed to once logged in, where one can see the news feed with the most recent updates from friends, the names of the friends appearing in blue and hyperlinked to their profiles, the message/status updates printed in black. Other people can comment or like the message, their message appears on a blue background, etc. The design as it is now has not always been like that. For example the ability to comment on someone’s status or message is a relatively new feature. Once it has been introduced, however, the users of Facebook could not opt out of this feature, hence their interactions could only take a form that has been provided by the website. Garde-Hansen [5] quotes Althusser to describe this illusive freedom: “we are ‘asked to follow pre-programmed, objectively existing associations’ and ‘to mistake the structure of somebody else’s mind for our own’” [6, p. 114]. Furthermore, Garde-Hansen also argues how social networks such as Facebook completely alter the way we perceive reality – for example, by hyperlinking different events our linear understanding of time and narrative is alerted. One could also add that the instantaneity with which the material is uploaded gives Facebook more of an ephemeral rather than archival function; it almost feels like an experience does not count unless it is uploaded onto Facebook. Finally, the uploaded material is directly controlled by the website owners once it is online. Once you are a member of Facebook even if you decide to opt out they still keep all the personal details on their archive, which is increasingly worrying.

Hence Facebook presents a particularly interesting case where one seems to be given freedom but at the same time is put under surveillance, where everyone can obtain a private space to document their past but at the same time all this past gets instantaneously publicized.

Facebook and Wikipedia are only two examples of how digital technologies enable the occurrence of a sort of “popular archive”, where everyone is involved in the production of its content. Lynch describes a popular archive found on the internet as a place of “mass visitation, reproduction and dissemination” [7, pp. 75-76]. Many are engaged into some sort of archiving of the everyday activities: be it a blog, reflection on the news, a comment on friend’s Facebook status or simple daily routines managed with the help of an online agenda. In brief, it seems that what has traditionally been considered as a part of our private lives now enters a public domain.

Our desire to document everything is facilitated by the rapid development of technologies and easy access to them. Almost anyone now has some kind of light and portable camera or recording equipment – hence there is no reason not to document one or another event. This has filled internet with lots of amateur production, blurring the distinction between the amateur and professional, and for some, such as Keen [4], “killing our culture”.

While detested by some, amateur stuff became desirable by others. eBay is a website that has amateur almost at the heart of its philosophy. As Hills [8] states in the article on cartes de visite sold on eBay, the website propagates amateur historians (giving the description of the photographs for sale) and amateur photographers (one could even find a guide there on how to make a good amateur photograph). Hence eBay can be regarded as a counter-

archive: what was considered unworthy of Victorian National Archive is now rediscovered and displayed online. The cartes de visite example also demonstrates how material artefacts now enter a digital space – everything gets recorded. Another, and perhaps the most thrilling example of this desire to archive everything, is the MyLifeBits[9] project discussed by van House & Churchill [10]. The aim of this project is to document all the information about Gordon Bell with the help of modern technologies: his online correspondence, phone calls, instant messages, books he read, music he listened to, websites he visited, everything he sees, everywhere he goes. Every mundane detail gets saved in the virtual space.

While lots of information is uploaded online deliberately, even more enters the databases without our concern. Van House & Churchill give only few examples such as RFID chips in transit passes, toll passes that collect information about our travel patterns, CCTV cameras that track our every movement. Without being aware of it, we became a “trackable society”.

As seen from the above discussion, online archives increasingly become individuated, but they also have a capacity to unite collective attempts for some purpose. Gane & Beer [11] give an example of countless medical support websites that unite patients suffering from certain state such as cancer or diabetes. Another example of that sort is discussed by Appadurai [12]. He talks about the experiences of migrants, who are able to establish their identity through modelling their experience based on the experiences of others (available through mediums such as blogs) and communicating with each other and with their home country through emails, Skype, or other cyberspaces. Internet thus becomes a repository of “possible lives”, where everyone is able to seek advice or consolation and to share experience. In more extreme cases, where a community cannot find space in “the real world”, it comes to exist and develop in virtual space. Appadurai gives an example of the Eelam project, organized by the Tamil population of Sri Lanka, where the lives and spaces that cannot be performed in the everyday word are enacted.

Digital media provided us with

capabilities to store information greater than ever before. Hence the question of what to store and what to omit, which is central to archive as a physical space, now becomes irrelevant. We store whatever we can because we can. The problem that arises now is how to orient oneself in such a jungle of information. The hierarchical system, when the material in an archive was given an accession number based on the date of its arrival to the archive, becomes no longer adequate. Other widely used methods such as hypertext, social tagging or search retrieval systems, are not quite adequate either because they are too time consuming to implement properly or produce the results of “haystack where we thought to find only needle, or needles when we are looking for haystack” [13, p. 173]. Moreover, the danger arises that the relevant information might exist but we might not know about it.

The truth is that because of such vast amounts of information, a lot of data in personal archives remains never viewed [see 14], a lot more in state archives becomes inaccessible due to inability to keep up with the rapid technological advancement – data recorded by older technologies cannot be accessed by the modern ones and there is no time to transfer all of it. Hence, the issue of curatorship cannot be avoided on personal or the state level.

Moreover, power and authority also come into play more than one might think. Although freed from the state control, virtual archives are now in the hands of big corporations (just like Facebook discussed above, for example). It is their decision which information is made available and which is purged, so if one uses a particular website to store information one day he or she might find all the information irretrievably lost just because the website closed down. The speed with which information appears and disappears online is almost instantaneous, and it is often difficult to keep up. Moreover, while there are many free websites there are others for which one gets charged. For instance, the access a student might or might not have to journal articles, would depend on whether the University has enough resources to pay for that journal subscription. Another example of how budget might influence availability is that

of search engines. In many cases website owners have to pay in order to appear at the beginning of the searched items list, thus one might not know about the availability of a particular useful material just because it would be in the bottom of the search list as it was not paid for.

Yet another pressing issue in the discussion of online archives is the question of ownership. While teachers and lecturers are fighting with their student essays that are copied and pasted, court cases are being filed in relation to the issue of who is allowed to use our personal data [10, p. 305]. The question of ownership becomes especially complicated when we consider hyperlinks: “At the core of Hypertext is the idea of linkages between documents – if a right to intellectual property is extended to a link in a hypertext, then the system as a whole is under threat” [15, p. 10].

Finally, perhaps the most central problem related to the question of the virtual archive is the one of forgetting. This problem is well summarized by van House and Churchill: “Sometimes forgetting is desirable and useful. But the new memory technologies and institutional structures can make some kinds of forgetting impossible, or at least uncertain. Forgetting may be impossible when the record is outside of one’s own control; when there are duplicates; or when the data are invisible, such as traces that allow recovery software and forensic computer science to restore files that are missing or ‘deleted’” [10, p. 306]. One might not know, but there is a project of the Internet Archive [16] which archives each internet page. More strikingly, Library of Congress has recently undertaken to create Twitter archive [17], hence while many regard Twitter posts ephemeral they might in fact be retrieved anytime. So as we can see, the liberal atmosphere of the internet allowing to say whatever one wants might not be so liberating after all.

Digital technologies not only provide us with huge storage capabilities, but also radically reorganize the archive functions. While traditional archives reflect a hierarchical structure of knowledge, viewing it as a storeroom from which knowledge can be retrieved, Internet establishes linkages between different types of knowledge from which new knowledge can emerge. Ernst [18] offers us a great discussion on how this

is achieved. He argues that in the age of digitalization archive is transformed from spatial into temporal medium. In addition to simple data storing it also systematises it, establishing connections between different data entries. If it bears any resemblance to human memory at all, it is on the neurological level. Any hierarchy implied in previous storage methods disappears and “permanent data transfer” becomes key operation. Even more fascinating is the fact that archive is freed from any kind of meta-data: a particular image can lead us to similar images, melody to similar melody. This often generates unexpected results. Archive becomes a metaphor in a literal sense.

It is undoubted that the idea of Internet is rather revolutionary, but whether it is successful in achieving its initial aim – this still remains questionable. It was already hinted above that while liberated from the state powers Internet now comes under corporate interests. Caygill [15] argues that from a rather innovative technology Internet became archival system of retrieval just like traditional archive, although this time serving commercial interests. He points out: “This is a perfect model for market transactions and “broadcasting information to a large audience”, to which the audience might respond with a click signifying a purchase, but it is far from “collective medium” envisaged by its creator” [15, p. 9]. Discussing Bill Gates’ archival project Jorinde Seijdel [19] exemplifies how public becomes a part of the entrepreneurship schemes. His company Corbis Corporation owns rights to more than 80 million images, some of which are very valuable and can be found only there, and the only way to see them is to pay money to Bill Gates. Seijdel calls such an archive a “necropolis of visual memory”, because if the only way to see the image is online or by paying huge amount of money, such images have no future.

In conclusion, virtual technologies seem to have greatly facilitated the storage of information but also brought their own challenges. With everyone being able to archive their lives, what once used to be private now becomes public, bringing certain repercussions: the cases of employers checking the profiles of their potential employees on Facebook or the university admissions officers monitoring

their candidates on student forums have now become more a rule than an exception. At the same time virtual space gave us more freedom to “invent” our identity by choosing who we want ourselves to be presented as. The dynamics between all these different modes of archiving in constructing our private (or what used to be private) life remains to be seen. For now it seems that due to the accessibility of archiving technologies, archive became almost an imperative in today’s society, turning more into a way of life rather than the storage of information – as if an experience does not count unless it is documented. And while cheap costs guarantee archiving possibilities for everyone, anyone who can afford more than that seems to nurture their “archive fever” by incorporating what once used to be public in their private collections and making profit out of it, as ambitions of Bill Gates have demonstrated. Whether all of this leads to better or worse results, also remains to be seen.

References:

1. Derrida, J. (1996). *Archive Fever: A Feudian Impression*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Foucault, M. (1972). *The Archaeology of Knowledge*. London: Routledge.
3. Steedman, C. (2001). ‘Something She Called a Fever: Michelet, Derrida, and Dust’. *American Historical Review* 106(4): 4-19. <http://dx.doi.org/10.2307/2692943>
4. Keen, A. (2007). *The Cult of the Amateur: How Today’s Internet is Killing Our Culture and Assaulting Our Economy*. Boston and London: Nicholas Brealey.
5. Garde-Hansen, J. (2009). ‘MyMemories?: Personal Digital Archive Fever and Facebook’, in Garde-Hansen, J., Hoskins, A. & Reading, A. (eds) *Save as... digital memories*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <http://dx.doi.org/10.1057/9780230239418>
6. Althusser, L. (1971). *Lenin and Philosophy and Other Essays*. New York: Monthly Review Press.
7. Lynch, M. (1999). ‘Archives in Formation: Privileged Spaces, Popular Archives, Paper Trails’. *History of the Human Sciences* 12(2): 65 – 87. <http://dx.doi.org/10.1177/09526959922120252>

8. Hills, K. (2006). ‘Auctioning the Authentic: eBay, Narrative Effect, and the Superfluity of Memory’ in Hills, K., Petit, M. & Epley, N. S. (eds.), *Everyday eBay: Culture, Collecting, and Desire*. New York and London: Routledge.

9. MyLifeBits project., Access mode: <http://research.microsoft.com/en-us/projects/mylifebits/>

10. Van House, N. & Churchill, E.F. (2008). ‘Technologies of Memory: Key Issues and Critical Perspectives’. *Memory Studies* 1(3): 295-310. <http://dx.doi.org/10.1177/1750698008093795>

11. Gane, N. & Beer, D. (2008). *New Media: Key Concepts*. - Oxford and New York., Berg.

12. Appadurai, A. (2003). ‘Archive and Inspiration’, in J. Brouwer and A. Mulder (eds.), *Information is Alive*. Rotterdam: V2/NAi.

13. Featherstone, M. (2000). *Archiving Cultures*. *British Journal of Sociology* 51 (1): 161-84. <http://dx.doi.org/10.1080/000713100358480> <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00161.x>

14. Churchill, E.F. (2002). ‘Online and Offline, Together and Apart: Sharing Memories with Digital Video’, in *Proceedings of American Anthropological Association*.

15. Caygill, H. (1999). ‘Meno and the Internet: Between Memory and the Archive’. *History of the Human Sciences* 12(2): 1-11. <http://dx.doi.org/10.1177/095269519901200201>

16. Internet Archive project, <http://www.archive.org/>

17. News from the Library of Congress., Access mode: <http://www.loc.gov/today/pr/2010/10-081.html>

18. Ernst, W. (2004). ‘The archive as metaphor’. (No)Memory: *Storing and Recalling in Contemporary Art and Culture*. Rotterdam: NAi.

19. Seijdel, J. (2004). ‘Cold Storage’, in (No)Memory: *Storing and Recalling in Contemporary Art and Culture*. Rotterdam: NAi.

Information about author:

1. Kristina Gedgaudaitė - MSt, Lecturer of English Language, Mykolas Romeris University; address: Lithuania, Vilnius city; E-mail: k.gedgaudaitė@gmail.com

NECESSARY LEVELS OF SYSTEMS ANALYSIS AND MANAGEMENT OF THE SOCIETY'S INTEGRITY RESOURCES

P. Starikov, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Siberian Federal University, Russia

In this report the author examines the issues of methodology development of the systems approach. Three essential levels of analysis and management of public systems are scrutinized: the balance of positive and negative feedback, functional unity, political mythology. It is shown that this approach is becoming increasingly important in the context of growing complexity of the modern world.

Keywords: development of systems, feedback, functions, creativity, myth.

Conference participant, National Research Analytics Championship, Open European-Asian Research Analytics Championship

НЕОБХОДИМЫЕ УРОВНИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ ЦЕЛОСТНОСТИ ОБЩЕСТВА

Стариков П.А., канд. филос. наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Россия

В статье обсуждается проблематика развития методологии системного подхода. Рассматриваются три необходимых уровня анализа и управления общественными системами: баланс положительных и отрицательных обратных связей, функциональное единство, политическая мифология. Показывается, что данный подход становится все более актуальным в контексте растущей сложности современного мира.

Ключевые слова: развитие систем, обратная связь, функции, творчество, миф.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1056>

В настоящее время, в обстановке кризиса природно-человеческого бытия, поиска путей выживания начинает остро вырисовываться комплексная взаимообусловленность социальных, политических, экономических, духовных проблем. С одной стороны, увеличивающаяся сложность или комплексность среды продолжает углублять дифференциацию общественных подсистем. Социальный мир распадается на множество как бы отдельно существующих частей. Согласно концепции Никласа Лумана, данный процесс подготавливает почву для «больших резонансов» – катастрофических изменений, возникающих в силу дезинтегрированности системы в целом. С другой – отвечая на вызов сложности, человеческое общество ищет возможности актуализации интегративных процессов.

Современный системный подход как наука и практика, соединяющее в себе достижения психологических, социальных, экономических, политических наук должно и способно ответить на вызов времени – осуществлять анализ сложных, многозначных общественных процессов, активно влиять на развитие интегративных составляющих в жизни социума, формировать человека как творца окружающего мира. Идет поиск новой системной парадигмы, в рамках которой сформировалась бы современная методология анализа сложных систем, инновационные технологии выявления и использования скрытых потенциалов развития, эмерджентных эффектов.

Важным методологическим ресурсом для понимания закономерностей функционирования и эволюции общественных систем является представление о сложном, многоуровневом характере их организации. Цель данной работы – выделить в самом общем виде актуальные проблемы, подходы и перспективы развития системного подхода, в более широком смысле – системного мышления в управлении общественным развитием. При этом в понятие системное мышление, с нашей точки зрения, должно войти осознание системных закономерностей, проявляющих себя на разных уровнях организации общественной жизни.

В разнообразных сферах человеческой практики сегодня появляются, проверяются на эффективность, оттачиваются новые паттерны системного подхода – способность создавать, понимать и развивать сложные системы. Фрагменты этих паттернов мы можем найти в современном менеджменте (П. Сенге, Р. Саймон и другие), социологии (Р. Мертон, Н. Луман, Т. Парсонс), психотерапевтической практике, целительском и трансперсональном движении (К. Юнг, А. Минделл, Г. Бейтсон), системном подходе в социальных технологиях (Ю. Горский, С. Бир, Р. Акофф и другие).

В данной работе соответствии с современным пониманием целостности рассматриваются три актуальных подхода, три взаимодополняющих друг друга уровня системного анализа и управления:

1) система как сеть взаимосвязанных элементов (динамический и гомеостатический подходы), 2) система с точки зрения функционального единства (структурно-функциональный подход), 3) система в контексте мифологического синкретизма.

Система как сеть взаимосвязанных элементов. Сложность социальных, психологических миров, существенная нелинейность процессов, происходящих в них, обусловила актуальность формирования навыков системного мышления, интерес к возможностям системного подхода, как со стороны теоретиков, так и практиков. Сегодня нашему коллективному выживанию, как считает П. Сенге, угрожают медленные постепенные изменения, создаваемые чрезвычайно сложными – и в смысле структуры, и в динамическом плане – процессами. В то же время, бессознательные способы мышления, как лидеров, так и широких «масс» являются линейными, несистемными. Для решения сложных проблем, стоящих перед человечеством необходимо изменить не только идеи, но и сами способы мышления – научить подсознание тому, как организовывать информацию в соответствии с системными архетипами (определенными совокупностями элементов, связанных в сеть посредством положительных и отрицательных обратных связей) [1].

В основе системного подхода лежит умение мыслить циклически, а не линейно – так определяет проблему

формирования системного мышления П. Сенге. По мере овладения системным языком и сознание, и подсознание постепенно приучаются структурировать данные в виде замкнутых циклов обратной связи, а не линейных последовательностей. Действительно, поскольку все элементы системы взаимосвязаны, то изменение одного из элементов окажет влияние на все остальные. Эти изменения в свою очередь вызовут изменения в первом элементе. Так возникает цикл обратной связи. Принято выделять положительные и отрицательные обратные связи.

Положительные обратные связи определяют нарастающие по интенсивности процессы, вплоть до катастроф, нарушают стабильность систем. Чем больше изменение, тем больше скорость нарастания изменений – вот динамический портрет процессов, определяемых положительными обратными связями. В обществе легко обнаруживаются примеры положительных обратных связей: инновационное развитие, реорганизация общественных структур, равно как, нарастание волны протестов, распространение слухов, политические и экономические кризисы, олигархизация и формирование монополий. Необходимо особо отметить, что положительные обратные связи обеспечивают возможность эволюции и трансформации общества, протекание инновационных процессов, но преобладание положительных связей в системе опасно катастрофическими изменениями, выходом системы в целом из области устойчивости. Стабилизируют систему отрицательные обратные связи, функционирующие по принципу: чем больше изменение, тем активнее противодействие сил, препятствующих данному изменению, но преобладание отрицательных связей консервирует общественное развитие, порождает ухудшение адаптивных свойств системы. Необходим баланс совокупности положительных и отрицательных связей, что определяет необходимые условия устойчивого развития системы. Достижение данного баланса – искусство и наука управления сложными системами. Увеличение жизнеспособности, активности, производительности и

«инновационности» систем требует увеличения силы, мощности положительных обратных связей при сдерживающем увеличении силы отрицательных обратных связей.

В политической динамике баланс может определяться исторически сложившейся сбалансированной партийной системой – например, борьбой консервативных и либеральных партий.

В государственном управлении баланс может определяться политикой, опирающейся на соответствующую теоретическую базу. Так в концепции социального рыночного хозяйства осуществляется и контролируется баланс между справедливостью (политикой перераспределения и выравнивания) и свободой (благоприятствование активности и предпринимательства).

Как представляется, оптимальным является развитие совершенно новой методологии анализа общественных процессов в контексте баланса положительных и отрицательных обратных связей, встраивание положительных связей в ткань общественной динамики с пониманием рисков при отсутствии обсуждаемого баланса. Сегодня, анализ общественной динамики в рамках баланса положительных и отрицательных обратных связей так же необходим, как, в свое время, пророческие работы Римского клуба. В условиях формирующегося информационного, глобального мирового сообщества очевидна тенденция преобладания совокупности положительных связей над отрицательными, что неизбежно порождает разнообразные выходящие из под контроля кризисные явления.

В рамках подхода – система как сеть взаимодействующих элементов, особое значение, с нашей точки зрения, занимает системный архетип «деньги к деньгам». Этот архетип описывает результат конкуренции между отдельными частями, направлениями деятельности в условиях ограниченности ресурсов, которые перераспределяются в зависимости от успехов частей. Чем больше успех одного, тем щедрее снабжается это направление за счет другого. В такой системе присутствуют положительные обратные свя-

зи, которые с «нарастающей силой» усиливают незначительное случайное отклонение от начального равновесия. В конечном итоге, одно из направлений начинает преуспевать, а второе – бедствовать.

С нашей точки зрения, имеются основания полагать, что системный архетип «деньги к деньгам» представляет собой универсальную ситуацию, проявляющуюся на всех уровнях функционирования биологических, психических, социальных, экономических и политических систем, где присутствует конкуренция за ограниченные ресурсы. Ситуация «деньги к деньгам» является универсальным системным механизмом порождения дисфункциональных отношений.

Так, в процессе развития человека несколько психологических функций начинают все больше доминировать, подавляя менее развитые функции. Соответственно, решение проблемы требует координации функций в рамках целостности всей психики – подход, развиваемый в аналитической психологии.

На физиологическом уровне нарастающая функциональная асимметрия сопряжена с возрастными изменениями, является одним из диагностических методов прогнозирования состояния здоровья организма. На социальном уровне данный системный архетип функционирует таким образом, что создает проигравших и подстраивает неудачи, ведет к несправедливости, вызывает возмущение и гнев. На политическом и экономическом уровнях рождает тенденцию монополизации власти и капитала.

В конечном итоге, возникновение универсальной для всех систем ситуации «деньги к деньгам» требует метасистемной координации, как единственного способа сохранить целостность. Например, в качестве принципа управления для предотвращения сценария «деньги к деньгам» Дж. О Коннор в социальном взаимодействии рассматривает необходимость решения следующих вопросов. Действительно ли конкуренция является необходимым элементом в сложившейся ситуации? Какова более общая цель, к которой стремятся оба участника? Какие ресурсы находятся под угрозой?

Действительно ли они ограничены? Будет ли сотрудничество на пользу всем участникам? В какой мере ресурсы, необходимые для достижения хороших результатов, используются в качестве вознаграждения за те самые результаты, достижению которых они должны послужить? В качестве важного управленческого ресурса необходимо иметь в виду, что система в целом функционирует не лучше своего слабейшего звена [2].

В свете вышесказанного, очевидно, что идея «системного управления» должна прийти на смену идее «естественной конкурентной саморегуляции». В разнообразных сферах человеческой активности осуществляется поиск оптимальных структур метасистемной регуляции. Особую актуальность этому поиску придает растущая тенденция организации жизни современного общества в виде самоорганизующихся сетеподобных структур.

Опыт применения найденных, удачных паттернов решений создает образцы новой формирующейся методологической парадигмы управления политическими, социальными, психологическими, биологическими системами. Важной сферой выявления паттернов метасистемной регуляции является развитие психо- и социотехнологий. В контексте современных практик данные системные представления воплощаются в концепциях дополнительности противоположностей, потенциальной деструктивности ограниченности и односторонности социальных и личностных установок, диалектического взаимодействия противоположностей.

Как отмечает Н.Н. Моисеев, дальнейшее развитие на Земле вида *homo sapiens* требует качественного совершенствования механизма его эволюции. В частности, Н.Н. Моисеев указывает на постепенное идеологическое и методологическое оформление практики коэволюционного подхода. Концепция коэволюции – предполагает развитие нового типа эволюционизма – от отбора наиболее приспособленных в условиях определенной системы соревнований (РЫНОК) к творческой эволюции (исцеление, обучение, сотворчество – НООСФЕРА).

Система с точки зрения

функционального единства. Особенностью системного подхода является осознание факта, что выделение элементов в системе как определенных, отдельных предметов достаточно условно. Хорошо об этом говорит Григорий Померанц. «То, что мы называем предметом, только узелок бесконечной сети, где все связано со всем и конец становится началом. Даже то, что физически легко обособить, – яблоко, например, – всего лишь миг в цепи отношений: яблони, почвы, солнца, ветра,...» [3, с.215].

Целостность с точки зрения Померанца постигается посредством тринитарного мышления. Мир в рамках тринитарного мышления может мыслиться не как совокупность предметов, а как совокупность отношений, связей всего со всем.

Такую природу целого подчеркивает, например, теория функциональных систем Анохина, согласно которой организм состоит не из органов, а функциональных систем. Поэтому развитие организма это не органогенез, а системогенез. В практическом плане, понятие функциональной системы позволяет отделить полезные для всего организма целевые функции и различные «пути», которыми они могут быть реализованы. Цели, средства, результаты, критерии оценки замыкаются по принципам обратной связи в отдельные функциональные системы или функциональные акты.

Здоровье организма, в конечном итоге, обеспечивается гармонией межсистемных отношений – гармонией межфункциональных отношений, а болезнь является прямым следствием нарушения этой гармонии. Поэтому, не органы надо лечить, а восстанавливать гармонию межсистемных отношений – необходимое условие самосохранения органов.

Более целостное или системное видение функционального назначения части позволяет найти новые пути и средства реализации этого предназначения. Задача интеграции деструктивной части в систему решается в контексте творческого поиска новых альтернативных вариантов достижения позитивно определенной цели. Важной проблемой интеграции является отделение полезной цели от кон-

кретных средств ее реализации, иначе – преобразование функционального стереотипа.

Следует обратить внимание на существование тесной связи между функциональным подходом к системе и творческим процессом как таковым. Уход от объективизации, опредмечивания функции, от «функциональных стереотипов» лежит в основе многочисленных современных технологических творческих решений проблем. Известна эвристическая роль функционального анализа в социологии (Р. Мертон), в психологии.

Анализ современных психотехнологий, социологических подходов к возможностям интеграции систем в целостность, позволяет утверждать, что общей задачей является решение универсальной для развития систем проблеме – согласовании процессов дифференциации и интеграции; автономизации частей и эволюции целостности. В современных условиях, когда нелинейность, сложность, динамичность среды необходимо предполагает дифференциацию подсистем целого и их автономизацию, указанная проблема решается в демократизации отношений части-целое на основании ресурсов обучения, творчества, коммуникации (необходимо связанных сегодня с развитием сложных систем феноменах культуры). И на уровне психотехнологий развития личности, и на уровне социологических подходов формируется определенная модель структурно-функциональной организации – центром системной регуляции становится процессуальная структура коммуникации частей целого, в рамках которого осуществляется творческое примирение и уравнивание противоположностей.

При этом усложнение системы в ходе диссоциации, увеличения степени автономности элементов уравнивается возрастающими способностями к системной интеграции, что и реализуется в качественно иных по структурно-функциональной организации состояниях системы – синергизме, сотворчестве элементов и системы.

Так, Р. Акофф указывает на неизбежность автономизации работы частей в ходе нарастания нелиней-

ности и сложности современной экономической среды, развивая опыт согласования частей системы в рамках интерактивного планирования. С. Бир устанавливает соответствие между организацией человеческого мозга и современными системами управления. Основной решающий орган должен функционировать подобно эвристической экспертной структуре – «губке разнообразия». П. Чекленд предполагает адекватными возрастающей сложности среды технологии мягкого системного подхода, построенные вокруг обучения, обмена мнениями, интеграции и творчества. Сегодня рассматриваемая модель организации целого – дифференциация частей, сопряженная с растущим значением творческой интеграции, все в большей степени определяет тенденции развития системных технологий управления общественными процессами. Например, указанный подход с успехом реализуется в концепции креативного города Ч.Лэмбри, хотя и малоосмыслен в методологическом плане.

Система в контексте мифологического синкретизма. В целом, перспективы развития системного подхода связаны с развитием понятийно-категориального аппарата, как социальной философии, так и теоретической социологии и психологии. Актуальной проблемой являются вопросы реификации, объективации и субъективации. Так, в работах Н. Бердяева суть происходящих и необходимых для мира изменений определяется как рождение этики Творчества. Этика Творчества выходит за рациональное видение мира, есть этика энергетическая и динамическая. Повышение энергии жизни, качественное и количественное, творческий подъем энергии становится при этом одним из критериев нравственной оценки. «Величайшая тайна жизни скрыта в том, что удовлетворение получает лишь дающий и жертвующий, а не требующий и поглощающий. – пророчествовал Н. Бердяев, предвывая открытие истин духовно-нравственного мира в работах Э. Фромма, В. Франкла, А. Маслоу – И только в нем энергия жизни не иссякает. Творчество же есть ее неиссякаемость» [4, с.168].

С нашей точки зрения, актуальные для развития современных управленческих технологий принципы системного подхода развиваются в рамках новой, активно формирующейся научно-методологической парадигме. По мнению Р.У. Сперри, в основе таковой лежит пересмотренная логика причинного детерминизма, которая вводит холистские и ментальные свойства в качестве нередуцируемых и неустранимых причинных конструкторов в объективную сферу научного объяснения. Таковыми являются понятия мифа, символа, архетипа как адекватные глубине и сложности системного описания мира. Если наука до 60-х годов считала, что все, в конечном счете, управляется фундаментальными силами «нижнего уровня», то в новой парадигме нисходящего контроля мы в современном мире окружены и движимы нередуцируемыми силами более высокого порядка [5]. Таким образом, на смену идее «наблюдения и технологического управления» приходят идеи «антропоморфного участия», мифологического синкретизма – постижение «неуловимой» взаимосвязанности явлений, основанной на метафоре целостности мира, архетипической «связи всего со всем».

Широкий спектр современных подходов, основанных на осознании потенциальных возможностей мифа, символа, образа, выходит за пределы редуцирующей, рациональной парадигмы научного мышления, за пределы представлений о мире как суммы частного, лишенного потенциальной целостности, иначе, мире объектов, в соответствии с которой миф – это только мифологическое мышление, искаженная схема мира, иллюзорная целостность.

Так, А. Минделл объединяя приемы работы с индивидами и группами в общий методологический подход (принцип глубокой демократии) вводит понятие потенциально разумных полей, которые являются «снявью» социальных групп, этносов, Геи-Земли в целом. Не разбирая подробно спектр представлений А. Минделла, укажем, что во многом он возрождает на новом системном уровне древнюю традицию шаманизма. При этом лидер-эксперт чув-

ствует групповые поля, решает групповые конфликты через сотрудничество с ними, их трансформацию [6]. Суть метода глубокой демократии – осознать и выразить непредставленные явно части единого поля. Поля имеют тенденцию сами по себе восстанавливать равновесие, но возможность обеспечить оптимальное протекание процессов интеграции требует знания, внимания к происходящему, поощрения явных и скрытых устремлений (первичных и вторичных процессов) и помощи им выразиться более полно.

Актуальные методы и техники формируются в контексте развития современных направлений трансперсональной и гуманистической психологий, в рамках современных технологий творчества. В то же время формирование навыков и принципов «правополушарного» мышления, умения «говорить» на языке символов, образов, эмоций – актуальный, но, во многом, противоречивый инновационный процесс, связанный с комплексной трансформацией мировоззрения, культуры, общественных структур.

В частности универсальное значение для жизни человека и общества играет космогонический миф, скрыто представленный сегодня в продуктах массовой коммуникации, системах политического выбора и «ритуалах» коллективного принятия решений. Как писал Мирча Элиаде, космогонический миф (сотворение порядка и победы Космоса над Хаосом) имеет важнейшее значение в сохранении жизнеспособности сообщества и личности. Через исполнение космогонического мифа, воспроизведение его через песнопения, танцы, символические рисунки человек «погружается в состояние первоначального рассвета; в него проникают гигантские силы, которые *in illo tempore* сделали возможным сотворение мира» [7, с. 52]. Отождествление с творящими Космос из Хаоса силами дает омоложение, исцеление, возрождение.

В свое время, К.М. Станиславский нашел удачное слово – сверхсознательное, обозначая им такое творческое, свободное состояние,

когда сознание и творческие силы бессознательного способны выражать себя и волноваться вместе. С этой точки зрения, использование потенциальных возможностей мифа, символа, образа, как языка человеческой интенциональности, смысла и «целостности» представляется пусть проблемной, но важной и актуальной составляющей системного подхода.

В целом взаимовлияние выделенных трех уровней обеспечивает возможность устойчивого развития системы (баланс положительных и отрицательных обратных связей, положительная динамика функционального единства в контексте творчества и коммуникации, энергетика интенций и смыслов в контексте использования политических мифов).

References:

1. Senge, P. Pyataya distsiplina: iskusstvo i praktika samoobuchayushcheisya organizatsii [The Fifth discipline: the art and practice of the self-studying organization], Piter Senge. – Moscow., 1999. – 408 p.
2. Konnor, Dzhozef Iskustvo sistemnogo myshleniya. Tvorcheskii podkhod k resheniyu problem i ego osnovnye strategii [The art of systems thinking. A creative approach to problem solving and its basic strategies], Dzhozef

Konnor, Yan Mak-Dermott. – Kiev., 2001. – 304 p.

3. Pomerants G., Marina Kurochkina Trinitarnoe myshlenie i sovremennost' [Trinitarian thought and modernity], Grigorii Pomerants, Marina Kurochkina. – Moscow., 2000. – 317 p.

4. Berdyaev, N.A. Tvorchestvo i ob'ektivatsiya [Creativity and objectification], Ed. A.G. Shimanskii, Yu.O. Shimanskaya. – Minsk., 2000. – 304 p.

5. Sperri, R.U. Perspektivy mentalistskoi revolyutsii i vzniknovenie novogo nauchnogo mirovozzreniya [Prospects of the mentalist revolution and genesis of a new scientific outlook], Mozg i razum [Brain and mind], R.U. Sperri. – Moscow., Nauka [Science], 1994. – pp. 20-45

6. Mindell, A. Lider kak master edinoborstva (vvedenie v psikhologiyu demokratii) [The leader as a master of martial arts (Introduction to Psychology of democracy)], Part 1., Arnold Mindell. – Moscow., Institut psikhologii [Institute of Psychology], RAN., 1993. – 88 p.

7. Eliade, M. Aspekty mifa [Aspects of the myth] M. Eliade. – Moscow., Akademicheskii Proekt [Academic project], 2001. – 240 p.

организации, Питер Сенге. – М., 1999. – 408 с.

2. Коннор, Джозеф Искусство системного мышления. Творческий подход к решению проблем и его основные стратегии., Джозеф Коннор, Ян Мак-Дермотт. – К., 2001. – 304 с.

3. Померанц Г., Марина Курочкина Тринитарное мышление и современность., Григорий Померанц, Марина Курочкина. – М., 2000. – 317 с.

4. Бердяев, Н.А. Творчество и объективация., Сост. А.Г. Шиманский, Ю.О. Шиманская. – Мн., 2000. – 304 с.

5. Сперри, Р.У. Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного мировоззрения., Мозг и разум., Р.У. Сперри. – М., Наука, 1994. – с. 20-45

6. Минделл, А. Лидер как мастер единоборства (введение в психологию демократии). Часть 1., Арнольд Минделл. – М., Институт психологии РАН, 1993. – 88 с.

7. Элиаде, М. Аспекты мифа., М. Элиаде. – М., Академический Проект, 2001. – 240 с.

Information about author:

1. Pavel Starikov - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University; address: Russia, Krasnoyarsk city; e-mail: kriprikrit@rambler.ru

Литература:

1. Сенге, П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся

FORMATION OF EMOTIONAL STABILITY
AS THE KEY COMPETENCE OF
STUDENTS-PSYCHOLOGISTS

G. Goleva, Candidate of Psychology, Lecturer
Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia

Author of this report reveals the content of the concepts of "emotional stability" and "formation model". The model of formation of emotional stability as a key competence of students-psychologists is built. Three levels of its functioning are considered: spontaneous-empirical, empirical and theoretical. The results of the forming experiment are offered.

Keywords: emotional stability, formation model, competence.

Conference participant

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-
ПСИХОЛОГОВ

Гольева Г.Ю., канд. психол. наук, преподаватель
Челябинский государственный педагогический
университет, Россия

В статье раскрыто содержание понятий «эмоциональная устойчивость» и «модель формирования». Сконструирована модель формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студентов-психологов. Рассмотрены три уровня её функционирования: стихийно-эмпирический, эмпирический и теоретический. Представлены результаты формирующего эксперимента.

Ключевые слова: эмоциональная устойчивость, модель формирования, компетенция.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1057>

На современном этапе своего развития Россия, становясь частью мирового сообщества, переживает трансформации, неоднозначные в своих последствиях, что приводит к необходимости повышения качества психолого-педагогического сопровождения учащихся, укреплению их психического здоровья. Выполнение этой задачи возложено на педагога-психолога, способного идентифицировать психологические угрозы, определять стратегии их психологической профилактики и коррекции последствий (Г.С. Абрамова, М.Р. Битянова, И.В. Вачков, В.И. Долгова, Р.В. Овчарова и др.), что предполагает высокий уровень сформированности эмоциональной устойчивости с опорой на личностный потенциал педагога-психолога. В общемировой образовательной практике личностный потенциал специалиста измеряется ключевыми компетенциями, соответствующими требованиям рынка труда и экономическим преобразованиям, являющимися основой конкурентоспособности в быстро меняющемся обществе.

Под эмоциональной устойчивостью понимается интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием когнитивного, эмоционального, мотивационного, волевого и поведенческого компонентов психической деятельности индивида, которое обеспечивает успешное достижение цели деятельности и наиболее эффективное социально-ролевое поведение в сложной эмотивной обстановке [1].

Психологическая структура эмоциональной устойчивости включает пять взаимосвязанных компонентов: когнитивный, эмоциональный, мотивационный, волевой, поведенческий. Когнитивный компонент определяется степенью выраженности познавательной активности индивида по самоорганизации и саморегуляции его поведения, проявлением интеллектуальных эмоций, а именно – познавательного интереса; эмоциональный компонент – степенью чувствительности субъекта жизнедеятельности к критическим ситуациям и актуальным уровнем его возбудимости, тревожности; мотивационный компонент определяется совокупностью мотивов, направленных на преодоление психологических барьеров, возникающих в ситуациях повышенной напряженности; волевой компонент – способностью личности принимать ответственность за свои действия на себя; поведенческий компонент определяется проявлением направленности личности на себя, свое дело и общение с другими людьми [4].

Теоретической основой изучения эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студента-психолога выступили положения компетентностного подхода, который включает совокупность общих принципов определения целей образования, отражающих развитие у учащихся способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использо-

вания социального и личного опыта; принципов отбора содержания образования как дидактически адаптированного социального опыта решения познавательных, коммуникативных, организационных, мировоззренческих проблем; организации образовательного процесса, заключающегося в создании условий для формирования у учащихся опыта самостоятельного решения вышеперечисленных проблем; оценки образовательных результатов, которая основывается на анализе уровня образованности, достигнутого учащимися на определенном этапе обучения [2]. Компетентностный подход предполагает в качестве результата обучения высокий уровень сформированности компетенций, выражающихся в освоении учащимися знаний определенной предметной области, умениях мыслить ее категориями, решать предметно-ориентированные задачи (И.Г. Агапов, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, О.Е. Лебедев, В.В. Сериков, А.П. Тряпицына, А.В. Хуторской, С.Е. Шишов и др.). К ключевым относятся компетенции, необходимые для жизнедеятельности человека, являющиеся основой его конкурентоспособности в быстро меняющемся обществе [3].

Эмоциональная устойчивость является ключевой компетенцией студента-психолога, так как она многомерна и интегративна по своей природе – включает в себя совокупность знаний, умений и отношений, необходимых для эффективной реализации основ-

Уровни	Когнитивный компонент					Эмоциональный компонент					Мотивационный компонент				Волевой компонент				Поведенческий компонент							
	Элементы эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции																									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24		
Теоретический	1.3 2.3 3.3 4.3 5.3					6.3 7.3 8.3 9.3 10.3					11.3 12.3 13.3 14.3				15.3 16.3 17.3 18.3				19.3 20.3 21.3 22.3 23.3 24.3							
Эмпирический	1.2 2.2 3.2					6.2 7.2 8.2					11.2 12.2 13.2				15.2 16.2 17.2				19.2 20.2 21.2 22.2 23.2							
Стихийно-эмпирический	1.1 2.1					6.1					11.1				15.1 16.1				19.1							

Рис. 1. Модель формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции педагога-психолога

ных направлений профессиональной психолого-педагогической деятельности; многофункциональна – овладение ею позволяет конструктивно решать проблемы в профессиональной и социальной сферах жизни; надпредметна и междисциплинарна – ее применение возможно в различных предметных областях и различных ситуациях.

Модель формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции педагога-психолога является прогностической, отражающей движение процесса познания по двуединому диалектическому пути от абстрактных образов к более конкретному воспроизведению действительности в сознании, и от конкретной действительности к ее абстрактному отображению. Методологической базой построения модели является теория познания (Д. Беркли, С.В. Илларионов, И.А. Ильин, И. Кант, Н.О. Лосский и др.). Ее суть заключается в выделении двух основополагающих форм: эмпирической, опирающейся на данные эксперимента и теоретической, направленной на всестороннее познание объективной реальности в ее существенных связях и отношениях. Эти методологические позиции позволяют выделить три уровня в предлагаемой модели формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции педагога-психолога: стихийно-эмпирический уровень предполагает ситуативное проявление эмоциональной устойчивости личности; эмпирический уровень предполагает интуитивное, бессистемное применение знаний, умений и отношений, отражающих содержание эмоциональной устойчивости личности; теоретический уровень предпола-

гает функционирование эмоциональной устойчивости, после реализации психолого-педагогической программы. Таким образом, модель формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции педагога-психолога прогнозирует количественное и качественное изменение элементов эмоциональной устойчивости (знаний, умений и отношений) в зависимости от уровня сформированности (стихийно-эмпирического, эмпирического, теоретического) и личностного потенциала субъекта (рис. 1).

Условные обозначения (Рис.1):

первое число обозначает условный порядковый номер элементов эмоциональной устойчивости (знаний, умений и отношений), раскрывающих содержание когнитивного, эмоционального, мотивационного, волевого и поведенческого компонентов модели.

Когнитивный компонент: 1 - знание содержательной характеристики понятия «эмоциональная устойчивость»; 2 - знание ресурсов и резервов психической организации личности; 3 - знание психолого-педагогических условий успешного формирования эмоциональной устойчивости; 4 - умение определять стратегию формирования эмоциональной устойчивости; 5 - отношение к своей познавательной активности.

Эмоциональный компонент: 6 - знание приемов регуляции сложных эмоциональных состояний; 7 - знание методов формирования оптимального уровня тревожности; 8 - умение анализировать собственное эмоциональное состояние; 9 - умение регулиро-

вать собственные эмоциональные реакции; 10 - отношение к собственным эмоциональным переживаниям.

Мотивационный компонент: 11 - знание рациональных установок на восприятие событий; 12 - знание методов формирования мотивации достижения успеха; 13 - умение использовать рациональные установки для формирования позитивной мотивации; 14 - отношение к мотивации достижения успеха.

Волевой компонент: 15 - знание приемов саморегуляции поведенческих реакций; 16 - знание методов формирования интернального локуса контроля; 17 - умение регулировать собственное поведение; 18 - отношение к принятию ответственности за происходящее.

Поведенческий компонент: 19 - знание содержательной характеристики понятия «направленность личности»; 20 - знание способов изучения проявления типов направленности личности; 21 - умение взаимодействовать с людьми в процессе общения; 22 - умение взаимодействовать с людьми в процессе решения деловых вопросов; 23 - умение отстаивать личностные интересы; 24 - отношение к типу направленности личности.

Второе число обозначает уровень сформированности эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции педагога-психолога: 1 – стихийно-эмпирический; 2 – эмпирический; 3 – теоретический. Символу « » соответствует вектор перехода элемента на более высокий уровень модели.

Базой экспериментального исследе-

дования являлся факультет психологии ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет». Выборка включала 195 студентов четвертых и пятых курсов дневной и заочной форм обучения, в том числе 72 студента экспериментальной группы (далее ЭГ) и 72 – контрольной (далее КГ). Контрольная группа испытуемых была уравновешена с экспериментальной по всем значимым показателям: полу, профессиональному возрасту, получаемой специальности. В эксперименте участвовали студенты старших курсов дневного ($n=87$) и заочного ($n=108$) отделений.

Процесс формирования эмоциональной устойчивости студентов-психологов включал в себя пять этапов, при этом каждый последующий этап являлся логическим продолжением и завершением предыдущего.

На первом этапе осуществлялось целеполагание формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студента-психолога, проводилось целенаправленное обоснование содержания критериев, показателей и уровней ее проявления, а также прогнозирование конечного результата процесса.

На втором этапе создавалась положительная установка на формирование эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студентов-психологов.

На третьем этапе происходило обучение студентов, вооружение их теоретическими знаниями по проблеме формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции педагога-психолога.

На четвертом этапе проводилось пилотажное внедрение программы формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студентов-психологов.

На пятом этапе осуществлялось фронтальное внедрение программы формирования эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студентов-психологов на факультете психологии Челябинского государственного педагогического университета.

Содержание программы по формированию эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции сту-

дентов-психологов включало в себя 78 академических часов, объединенных в 3 блока: диагностический – предусматривает самообследование уровня сформированности эмоциональной устойчивости в целом и отдельных ее компонентов (когнитивного, эмоционального, мотивационного, волевого и поведенческого) на этапе пред- и пост-теста; теоретический – включает изучение содержания понятия «эмоциональная устойчивость», определение данного свойства личности как ключевой компетенции студента-психолога, анализ психолого-педагогических условий ее успешного формирования; практический – состоит из тренинговых занятий, направленных на выявление личностных ресурсов психики по поиску выхода из сложных эмоциогенных ситуаций, а также психолого-педагогической коррекции тревожности, познавательной активности, мотивации достижения успеха и локуса контроля студентов-психологов.

Испытуемым было предложено произвести самооценку знаний, умений и отношений по пяти компонентам эмоциональной устойчивости с помощью метода экспертных оценок; затем оценку тех же элементов эмоциональной устойчивости проводили эксперты в количестве пяти человек. Общий показатель уровня сформированности эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции у будущих педагогов-психологов был средним арифметическим оценок всех экспертов. Полученный результат сопоставлялся с самооценкой элементов эмоциональной устойчивости каждого испытуемого. Для повышения достоверности и валидности результата был использован комплекс стандартизированных и высоко формализованных психодиагностических методик, направленных на изучение тревожности, познавательной активности («Тест-опросник исследования тревожности и познавательной активности» Ч.Д. Спилбергера – А.Д. Андреевой), мотивации достижения успеха («Тест-опросник мотивации достижения успеха и боязни неудачи» А.А. Реана), локуса контроля («Методика УСК» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинды), направленности лич-

ности («Ориентационная анкета» Б. Басса).

На этапе пред-теста было проведено сравнение средних значений всех показателей сформированности эмоциональной устойчивости в ЭГ и КГ с помощью t -критерия Стьюдента для двух несвязанных выборок испытуемых, которое позволило заключить, что $t_{\text{эмп}}$ показателей когнитивного компонента находится в пределах 0,18-1,1; $t_{\text{эмп}}$ показателей эмоционального компонента – в пределах 0,79-1,12; $t_{\text{эмп}}$ показателей мотивационного компонента – в пределах 0,27-1,98; $t_{\text{эмп}}$ показателей волевого компонента – в пределах 0,22-1,59; $t_{\text{эмп}}$ показателей поведенческого компонента – в пределах 0,07-1,63. Следовательно, различия в уровне сформированности эмоциональной устойчивости до начала эксперимента незначимы. При этом средний балл значений всех показателей в КГ был выше, чем в ЭГ.

Сравнение показателей уровня тревожности ($t_{\text{эмп}} = 0,17$), познавательной активности ($t_{\text{эмп}} = 0,27$), мотивации достижения успеха ($t_{\text{эмп}} = 0,25$), интернального локуса контроля ($t_{\text{эмп}} = 0,24$) и степени выраженности направленности на себя ($t_{\text{эмп}} = 0,13$), направленности на дело ($t_{\text{эмп}} = 0,18$) и направленности на общение ($t_{\text{эмп}} = 0,05$) обнаружило отсутствие значимых различий в контрольной и экспериментальной группах до начала экспериментального взаимодействия.

Анализ динамики проявления показателей эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции у будущих педагогов-психологов отдельно в ЭГ и КГ до и после эксперимента осуществлялся с помощью t -критерия Стьюдента для двух связанных выборок.

На этапе пост-теста показатели эмоциональной устойчивости испытуемых ЭГ не только достигли уровня эмоциональной устойчивости студентов КГ, но и превзошли его, что подтвердилось статистически значимыми различиями при $p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,001$. Исключение составил показатель тревожности ($t_{\text{эмп}} = 1,07$), по которому произошло незначительное увеличение среднего значения, соответствующее оптимальному уровню сформированности названного личностного образования.

У испытуемых ЭГ после проведения формирующего эксперимента произошли количественные и качественные изменения практически по всем показателям на уровне значимости при $p \leq 0,001$: знание содержательной характеристики понятия «эмоциональная устойчивость» ($t_{\text{эмп}} = 5,99$); знание ресурсов и резервов психической организации личности ($t_{\text{эмп}} = 4,34$); знание психолого-педагогических условий успешного формирования эмоциональной устойчивости ($t_{\text{эмп}} = 7,23$); знание приемов регуляции сложных эмоциональных состояний ($t_{\text{эмп}} = 7,33$); знание методов формирования оптимального уровня тревожности ($t_{\text{эмп}} = 8,86$); знание видов рациональных установок на восприятие жизненных событий ($t_{\text{эмп}} = 8,72$); знание методов формирования мотивации достижения успеха ($t_{\text{эмп}} = 8,31$); знание приемов саморегуляции поведенческих реакций ($t_{\text{эмп}} = 6,07$); знание методов формирования интернального локуса контроля ($t_{\text{эмп}} = 9,27$); знание содержательной характеристики понятия «направленность личности» ($t_{\text{эмп}} = 4,86$); знание способов изучения проявления типов направленности личности ($t_{\text{эмп}} = 9,43$); умение определять стратегию формирования эмоциональной устойчивости ($t_{\text{эмп}} = 8,41$); умение регулировать собственные эмоциональные реакции ($t_{\text{эмп}} = 3,53$); умение использовать рациональные установки для формирования позитивной мотивации ($t_{\text{эмп}} = 5,05$); умение взаимодействовать с людьми в процессе решения деловых вопросов ($t_{\text{эмп}} = 4,02$); умение отстаивать личностные интересы ($t_{\text{эмп}} = 6,22$); отношение к типу направленности личности ($t_{\text{эмп}} = 3,77$); отношение к собственным

эмоциональным переживаниям ($t_{\text{эмп}} = 7,76$); познавательная активность ($t_{\text{эмп}} = 5,93$); мотивация достижения успеха ($t_{\text{эмп}} = 7,36$), локус контроля ($t_{\text{эмп}} = 9,39$); при $p \leq 0,01$ умение анализировать собственное эмоциональное состояние ($t_{\text{эмп}} = 3,53$), а при $p \leq 0,05$ умение регулировать собственное поведение ($t_{\text{эмп}} = 2,39$); умение взаимодействовать с людьми в процессе общения ($t_{\text{эмп}} = 2,45$); отношение к своей познавательной активности ($t_{\text{эмп}} = 2,42$); отношение к принятию ответственности за происходящее ($t_{\text{эмп}} = 1,99$); направленность личности на себя ($t_{\text{эмп}} = 2,42$), направленность личности на дело ($t_{\text{эмп}} = 2,12$).

У студентов КГ не было выявлено статистически значимых различий практически ни по одному показателю, значение $t_{\text{эмп}}$ находится в пределах 0,16 - 1,43, исключение составил показатель умения использовать рациональные установки для формирования позитивной мотивации ($t_{\text{эмп}} = 3,96$).

Проведенное экспериментальное исследование показало репрезентативность реализованной психолого-педагогической программы в отношении большинства показателей эмоциональной устойчивости как ключевой компетенции студента-психолога. Перспектива дальнейшего изучения проблемы заключается в исследовании процесса формирования эмоциональной устойчивости бакалавров и магистров по направлениям психолого-педагогического образования.

References:

1. Dolgova V.I., Naprimerov A.A. Formirovanie emotsional'noi

ustoiichivosti lichnosti [Building the emotional stability of the individual]. - St. Petersburg., RGPUim., A.I. Getsena, 2002. - 167 p.

2. Zeer E.F., Pavlova A.M., Symanyuk E.E. Modernizatsiya professional'nogo obrazovaniya: kompetentnostnyi podkhod [Modernization of professional education: competence approach]. — Moscow., MPSI, 2005. - 216 p.

3. Zimnyaya I.A. Klyuchevye kompetentsii kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii [Key competences as the result oriented foundation of the competence-based approach in education]., Rektor vuza [Rector of the University] - 2005., No.6., pp. 13-29.

4. Ivanov D.V. Vliyanie obrazovatel'noi sredy na formirovanie emotsional'noi ustoiichivosti podrostka [Impact of the educational environment on formation of the teenager's emotional stability]., Dissertation of Candidate of Psychology: 19.00.07. - Kursk, 2002. - 208 p.

Литература:

1. Долгова В.И., Напримеров А.А. Формирование эмоциональной устойчивости личности — Спб., РГПУ им. А.И. Гецена, 2002. - 167 с.

2. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход — М., МПСИ, 2005. - 216 с.

3. Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании., Ректор вуза. - 2005., №6., С. 13-29.

4. Иванов Д.В. Влияние образовательной среды на формирование эмоциональной устойчивости подростка: дис. Канд. Психол. Наук: 19.00.07 — Курск., 2002. - 208 с.

Information about author:

1. Galina Goleva - Candidate of Psychology, Lecturer, Chelyabinsk State Pedagogical University; address: Russia, Chelyabinsk city; e-mail:golevag.78@mail.ru

THE ALL-UNITY PHILOSOPHY AS THE METHODOLOGICAL BASE FOR ANALYSIS OF THE MODERN CREATIVE OUTLOOK

P. Starikov., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Siberian Federal University, Russia

This article is connected with the problem of creativity. It is proposed to consider creativity (its contemporary meaning) in the context of the all-unity philosophy. The research results demonstrate the complex structure of the modern creative outlook, the relation between inspiration experience and the concepts of positive all-unity.

Keywords: all-unity philosophy, outlook, inspiration, creativity.

Conference participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ТВОРЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Стариков П.А., канд. филос. наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Россия

В статье обсуждается проблематика креативности. Предлагается рассматривать творчество (его современное понимание) в контексте философии всеединства. Результаты исследования показывают комплексную структуру творческого мировоззрения, связь опыта вдохновения с положениями положительного всеединства.

Ключевые слова: философия всеединства, мировоззрение, вдохновение, творчество.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1058>

Ускорение темпов перемен, становление информационного общества, трансформация и усложнение экономической, социальной, культурной сред обитания человека определяют проблематику креативности как одну из актуальнейших для общественных наук. Серьезную попытку определить новый «статус» креативности в контексте проблематики социального действия в последнее время предпринял Ханс Йоанс. Опираясь на концепцию прагматизма, он обосновывает необходимость объединения различных версий социального действия (М. Вебер, Т. Парсонс, Ю. Хабермас) в рамках развиваемой им теории креативности действия [1]. Можно согласиться с автором в его оценке значимости проблематики креативности для понимания модернизации общества, с его критикой классической теории рационального действия, предполагающего автономного актора, максимизирующего свою прибыль. В то же время, практически устраняя из сферы своего анализа такие важные концепции, как философию всеединства, философию жизни, экзистенциализм, аналитическую психологию, эпистемологию Г. Бейтсона, опыт современных психо- и социотехнологий автор существенно ограничивает понимание феномена творчества его функциональной связи с целостностью, комплексностью среды, развитием сложных систем, равно как – добром, красотой, истиной и смыслом.

В последнее столетие углубленная

рефлексия над природой человека, общества, Вселенной в рамках различных психологических, социологических и философских концепций породила многообразие подходов к творчеству, методов лечения «неврозов креативности». Особенность этих подходов – практическое отождествление процессов пробуждения креативности в страдающем человеке и его исцеления, восстановления и развития целостности системы человек-универсум во всем многообразии взаимосвязей.

Так, создателю известного направления психодрамы Якобу Морено, креативность виделась как формирующая человеческую Самость «субстанция», отражающая креативный мировой процесс – причину и цель космического бытия. По мнению Морено, предпосылка нашего духовного кризиса, возможно, состоит в том, что веками формировались представления о «Боге в его обустроенной форме», при этом была упущена неисчерпаемая и непрекращающаяся креативность Создателя. Общечеловеческий процесс преодоления тотального отчуждения, которое «охватило» все человечество, есть феномен постепенного глобального пробуждения креативности [2].

Все большее распространение во всем мире получает арт-терапия – метод лечения человека и общества посредством художественного творчества. Несомненную привлекательность арт-терапии как метода психологической и социальной тера-

пии составляет то, что она использует «язык» визуальной и пластической экспрессии. Это делает ее незаменимым инструментом для исследования и гармонизации внутреннего мира человека. С развитием арт-терапии связываются надежды на создание такой синтетической методологии, которая в равной мере учитывала бы интеллект человека и его чувства, потребность в рефлексии и жажду действий, план телесный и духовный. Однако разнообразный опыт конструктивного, гармонизирующего воздействия на личность разных видов творческого самовыражения еще мало осмыслен в едином контексте психологических, культурологических, философских представлений.

Особое значение для понимания природы творчества имеют работы русских философов всеединства, космизма, пророчески предугадавших проблемы, актуальные для современной цивилизации. Основа их вдохновляющего поиска – идея социального христианства – спасение мира через социальное и культурное творчество, имеющее своей целью достоинство и свободу каждого человека, построение нравственного космоса, осуществление положительного всеединства.

Сегодня мы видим печальный опыт катастрофического нарастания проблем системного уровня, возникающих перед человечеством, который показывает, что со старыми стратегиями мышления, организационными паттернами принятия решений невозможно жить в новую эпоху, когда

сложность среды обитания человечества не только увеличилась количественно, но и трансформировалась качественно. Важная тенденция – актуализация значимости интегративных процессов для решения глобальных организационных проблем, вставших перед человечеством (и на уровне микрокосма человеческой личности, и на уровне социальных организаций). Традиционные способы принятия решений, основанные на механистической парадигме разделения сознания и материи, человека и мира, не в состоянии справиться с лавинообразным потоком информации, увеличивающейся комплексностью среды. Антитезой нарастающей деструктивности может стать формирование интегрального творческого мышления (задачу построения которого и ставили философы всеединства, их последователи), основанного на синтезе логики, интуиции и эмоций, сочетании рациональных и иррациональных способностей человека.

Каждый из этих типов мышления выполняет свою функцию, имеет свои сильные и слабые стороны. Неразвитость одного из типов мышления в силу доминирующего преобладания другого является дисфункцией, разрушает оптимальный баланс сил. Не случайно в аналитической психологии центральный момент процесса индивидуации – развитие и интеграция отдельных типов мышления в целостную, интегральную систему.

В то же время процесс интеграции не является механическим актом «сборки деталей», предполагает творческое рождение уникальной целостности – индивидуации. В свою очередь, индивидуация невозможна вне эволюции и трансформации смыслов, ценностей, отношений человека к себе, обществу, вселенной. Таким образом, интегративное развитие интуиции, логики, чувств необходимо сопрягается с процессом нравственного и духовного развития индивида и общества в целом. На уровне отдельной личности этот процесс определяется как развитие творческого начала, индивидуация; на уровне общества – формирование «новой этики» – этики творчества, нерепрессивной культуры, глубинной демократии. Как

считал Эрих Фромм, лекарством от человеческой деструктивности является восстановление способности к творчеству и любви.

Возможность такого интегративного процесса имеет свое основание в совокупности идей, определяющих онтологическое положение человека в универсуме. Анализ этих представлений (утверждение человеческого микрокосма сопричастного «миру» в целом) и составил предмет интересов русских философов всеединства, пророчески предугадавших проблемы, актуальные для развития современной духовной культуры, цивилизации. Согласно В.С. Соловьеву, именно «собрание», воссоединение и синтез как духовных ценностей всей мировой культуры, так и отдельных способностей человека составляют позитивно-созидательное начало человеческой истории. Возможность такого синтеза определяется совмещением интересов целого и части, индивидуальности и универсума, реализуется в историческом процессе построения нравственного космоса, осуществления положительного всеединства.

Сама идея положительного всеединства предстает как идеал совершенной организации, когда «единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех... истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [3, с.94]. Идея положительного всеединства имманентна, то есть внутренне присуща человеку, и воспринимается, согласно В.С. Соловьеву, как проявления Истины, Добра и Красоты. Чувствительность к этим ценностям связана с творческой интуицией, которая и вдохновляет человечество созидать новое качество жизни.

Мир незавершен и в силу этого несовершенен, поэтому у человечества нет иного пути, как через историю, через диалектику падений и взлетов его творческих усилий в духовной, социальной, материальной жизни. Через страдание происходит духовное очищение, творческий подъем духа. В человеческом творчестве же и проявляется божественная природа – положительное всеединство, выражается творческое существо Бога. Как писал

Н. Бердяев, творческий опыт есть нечто первичное, он – духовен в религиозном смысле слова. Творчество есть преодоление мира в евангельском смысле, преодоление иное, чем аскетизм, но равноценное ему. В творческом акте не устраивается «мир сей», а создается мир иной, подлинный космос. «Творчество по существу своему есть расковывание, разрывание цепей. В творческом экстазе побеждается тяжесть мира, сгорает грех и просвечивает иная, высшая природа» [4, с.146].

Анализируя взгляды Соловьева и других философов всеединства, необходимо отметить глубокие духовные корни русского национального религиозно-философского сознания, определяемого апофатичностью восточного православного богословия. Рационализм чужд внутреннему духу православия, которое поощряет позитивную ценность тайны и мифа. Апофатичность православия обусловила близость к мистической традиции, ценность холистского, недискурсивного подхода, что в свою очередь обусловило подход к человеку как микрокосму, в котором «раскрывается универсум», писал Н.А. Бердяев.

Универсумный подход к проблеме отношения человека и мира определяет в качестве наиболее важных иррациональные моменты переживания осмысленности бытия, переживание соучастия и единения своего индивидуального смысла со всеобщим, как преодолевающие ограниченность человеческого существования, как барьер, разделяющий философию бессмысленности – «метафизику ужаса» от этики принятия ценности жизни. Иррациональность этих вопросов заключается, прежде всего, в необходимости или, лучше сказать, психологической потребности иметь смысл жизни. Человек должен верить в какой-то смысл, пусть неясный и неоформившийся, иначе ему не сохранить душевного здоровья. В свою очередь, индивидуальный смысл включает смыслы других уровней бытия. Анализ мировосприятия человека необходимо должен включать все компоненты иерархической организации смыслов и, таким образом, представлять человека, находящегося

в прямом взаимодействии с универсумом, природным, социальным, космическим. Известный психотерапевт Р. Мэй, представитель экзистенциальной философии, основываясь на опыте многолетней практики, отмечает, что душевное здоровье человека зависит не только от наличия цели в его собственной жизни. «Не может быть островка смысла в океане бессмыслия, — пишет он, — для исцеления невротик должен научиться утверждать себя, общество и вселенную, эти три неразрывные стороны процесса жизнеутверждения» [5, с.127].

Позитивное отношение к миру тесно связано с вопросами веры (доверия), отражающими неполноту человеческого знания. Многие философы, анализируя взаимоотношение смысла и веры, указывают на принципиальную неразрешимость этого вопроса по причине непостижимости трансценденции. Так формулируется вопрос о вере в рамках традиции, заданной Кантом.

С другой стороны, вера в мистический опыт и мистическое откровение, всегда были частью духовной истории, сокровищницей культуры человечества. Можно предполагать в специфике мистического откровения начало универсального взгляда человека, становление иррационального метода взаимодействия части и целого. Именно такой универсальный подход составил основу интересов русских философов всеединства. «В том ведь и особенность непосредственного знания мистика, — подчеркивал П.А. Флоренский, — что познающее лицо и познаваемая сущность в деятельности познания сочетаются в неслиянное и нераздельное двуединство» [6, с.89].

Смысл представления о связи бытия абсолюта и бытия человека в философии всеединства сводится к следующему. Реальная действительность и человек в ней представляют замкнутую, закрытую систему. Ей присущи неразрешимые противоречия. Но от их снятия, разрешения зависит смысл существования системы, благополучие организации. Если противоречия неразрешимы, неустранимы, система разрушается (разрушаются ее организация, способ устройства). В ко-

нечном итоге, благополучие, развитие системы становится возможным при установлении связи с более высоким надсистемным уровнем. Возникают сложные синтетические отношения части и целого, системы и надсистемы, рождающие новые системные свойства — вдохновение, озарение, чудо.

Представляет интерес соотношение понятий веры в философии всеединства и функции трансценденции бессознательного К. Юнга, на что указывал Б.К. Вышеславцев. Так, важным открытием современной психотерапии является практическое осознание значения трансценденции в качестве необходимого условия развития и исцеления. Чтобы изменить свое поведение, человек должен перейти на вышестоящий уровень — на уровне идентичности и духовности. У человека, страдающего неизлечимым недугом, нет какой-либо возможности осуществить требуемые ему перемены до тех пор, пока он не сумеет перенестись на более высокий духовный уровень, чтобы обрести смысл жизни и стремление жить.

Феномен трансценденции в философии всеединства тесно связан с такой важной характеристикой экзистенции современного человека как осознание своей субъектности, поиска субъективного, живого смысла, способного утверждать жизнь. Приверженцы всеединства, также как и аналитическая психология, апеллировали к мифологии при анализе метафилософских проблем. Прежде всего, им импонировала синкретичность мифа. Синкретизм был целью и принципом всеединства. С этой точки зрения, религия представлялась им только некоторым переходным процессом. Первоначальная слитность, неразчлененность реального и сверхъестественного, бытия и смысла — вот идеал, к которому должно вернуться человечество, уже на другом уровне. Выдающийся представитель философии всеединства А.Ф. Лосев видел человека как личность, которая самоутверждается, проявляет свою энергию и самовыражается через миф. Самоосмысление личности в слове (имени), мифе порождает переживание чудесности или чуда, когда любые стороны

бытия рассматриваются (скорее, непосредственно видятся) в свете вечности. В момент переживания мифа (это состояние напоминает вдохновение, озарение или просветление в восточной духовной традиции), согласно А.Ф. Лосеву, вся жизнь предстает как бесконечный символ, как сложнейший миф, как поразительное чудо.

Представляется, несомненно, важной роль мифического, символического, мистического в измерении места сознания в космических процессах, во Вселенной, в обретении смысла и ощущения единства универсального бытия. В качестве устойчивых информационных матриц (архетипов (К. Юнг), схем человеческого духа (П.А. Флоренский), смыслообразов культуры (Э.Я. Голосовкер)) универсальные и «вечные» мифические темы определяют первоосновы мироощущения личности и общества. Путем уподобления смыслообразы переживаются как моменты индивидуального жизненного опыта, говоря словами А.Ф. Лосева, как чрезвычайно ошутительное общение человеческого индивидуума с космической жизнью.

В то же время, мифологическое предстает только прообразом формирующегося универсального мышления, что ясно понимали философы всеединства. Русские философы всеединства утверждали особые законы нравственного космоса, существование и развитие морального универсума (Божественной Софии — души человечества). Философия всеединства несла в себе глубокий гуманистический смысл, обосновывая единство Истины, Добра и Красоты в их направленности на более совершенное устройство Вселенной. «Прочное и нерушимое основание этого ценностно-этического движения (Добра) составляет Истина как цель научного поиска, неразрывно слитая с Красотой, с непосредственным переживанием таинственной и неуловимой связи универсума» [7, с.77].

Развивая представление о сущности и возможности духовной жизни, философы всеединства стремились выйти за рамки дихотомии сакрального-мирского. Именно «в общении с крылатым и вещим сам человек одухотворяется, и это одухотворение вы-

ражается в чудесном расширении его горизонта», - пишет Е. Трубецкой [8, с.461]. Отрицательный результат попыток найти смысл жизни только на земле или только на небе привел к выводу о том, что смысл жизни следует искать там, где скрещиваются два основных направления жизненного стремления: вертикальное и горизонтальное. Отсюда становится понятен тот интерес, который в целом проявляли философы всеединства к концепции Бога-творца, положительной концепции бытия, которая преобразует хаос в космос и концепции человека, сопричастного делу всемирного творения.

В отличие от концепции рационализации, философы всеединства разрабатывали концепцию становления, творения культуры, глобальной триады настоящего и будущего Человек- Человечество- Человечность. Поэтому важным аспектом русской философии всеединства является развитие представлений о человеке, как взаимосвязанного с жизнью множества универсумов духовной и физической природы. Владимир Соловьев в своей работе «Три силы» выделяет три составляющие, которые управляют человеческим развитием: «бесчеловечного бога» - стремление к исключительному единству, «безбожного человека» - силу множественности отдельных единиц без всякой внутренней связи и третьей силы, «которая дает положительное содержание двум первым, освобождает их от исключительности, примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов» [8, с.43].

Представление о возможности их синтеза или «примирения» составило основной предмет изучения философии всеединства: анализ возможностей прогрессивного развития «положительного всеединства» взаимодействия части и целого, человека и космоса, являющейся условием становления духовно-нравственного космоса. В качестве ключевых положений, раскрывающих основное содержание этого процесса, можно выделить темы сотворчества и сопричастности человека и Бога (Н.А. Бердяев и С.Л. Франк), имма-

нентности воздаяния (саморазрушение зла в представлениях С.Л. Франка), относительность зла в представлениях П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Н.А.Бердяева, абсолютного добра как следствия развития межсубъектных взаимодействий по принципу взаимопроникновения и взаимодополнительности (Н.О. Лосский), Божественной Софии как организующейся совокупной души человечества (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский).

В представлении философов всеединства первым необходимым условием, обеспечивающим возможность положительного всеединства, является «органическое миропонимание», выражающее себя в древнем архетипическом мифе «связи всего со всем». «Мистика – первоначальная стихия, общая у человека с мировым бытием, стихия, в которой соединяется человеческая природа с первоосновами мироздания, прикасается к «древнему хаосу» – писал Н.А. Бердяев [10, с.10]. С.Н. Булгаков считал, что «правда оккультного мировоззрения, сближающая его с поэтическим восприятием природы вообще, состоит в настойчивом утверждении этой всеобщей одушевленности мира, которая исключает мертвую, бездушную, ничего не говорящую, безразличную, бескачественную материю» [11, с.201]. Близкие подходы развивали и другие философы всеединства.

В то же время, по мысли русских философов, только в Логосе преодолевается мистика субъективно-произвольная, оторванная от мирового смысла. Основа Логоса есть Смысл, который связан с идеей Высшего разума, единства истины, добра и красоты. «В Логосе, этой центральной религиозной и философской идее, таинственно соединяется природа моей личности с природой всемирной» [8, с.19].

Два этих представления (единство всего со всем и единство истины, добра и красоты) противостоят образу равнодушной, слепой, бесцельной Вселенной, дают ориентиры духовного и душевного развития человека. Обе линии сочетаются «в одно живое, нераздельное целое, в один животворящий крест, так что в поступатель-

ном движении жизни, в утверждении ее здешнего, земного плана чувствуется подъем в иной, высший план, а подъем в иной, верхний план ощущается как реальное, действенное событие именно оттого, что туда поднимаются здешнее, земное: этим подъемом преодолевается непроходимая грань между различными планами – горным и земным» – писал Е.Н. Трубецкой [8, с.88].

Важным аспектом концепции всеединства является диалектическое понимание связи добра и зла, уход как от субстанционального определения зла, так и от симметрии относительности добра и зла. По мысли русских философов всеединства, добро абсолютно, а зло всегда относительно, добро – условие полноты, радости, гармонии жизни, зло – условие разрушения, распада и гибели. Отсюда конфликт философов всеединства с морально-аскетической религиозностью, стремление к утверждению опыта положительного единения с триединством Блага, Истины, Красоты, рождающих опыт полета, вдохновения, единения с универсумом. «Чисто моральный пафос - отрицателен, он не творческий, он отрицает зло в себе и в этом отрицании, воздержании от зла, видит добро, добра же положительного не творит... Для развитого и полного религиозного сознания Бог – не сила, а смысл, не власть, а любовь, не необходимость, а свобода,» – считал Н.А. Бердяев [10, с.34]. Для Н.О. Лосского зло происходит оттого, что люди нарушают заповеди любви к Богу и ближнему как самому себе, направленных на достижение полноты жизни для себя и других существ. Функциональные отношения положительного всеединства соответствуют заповедям Нового Завета «Прощайте, прощены будете», «Не судите, не судимы будете» как принципам метасистемной регуляции, определяя «фрактальную» симметричность отношений часть-целое, часть-часть.

В целом, проведенный нами анализ показывает структурную взаимообусловленность мировоззрения, сопряженного с концепцией положительного всеединства, позволяет разработать индикаторы для анализа

массового сознания, поставить задачу определения сопряженности выделенного нами смыслового комплекса представлений развитию творческого начала индивидуума, творческой направленности личности. Определяемый нами взаимосвязанный комплекс основных смыслов, отражающих положительное всеединство, включает в себя:

а) становление «органического миропонимания», выражающего себя в представлениях о существовании «связи всего со всем», определяющих в самом общем виде современные представления об универсальной сопричастности человека.

б) развитие веры в существование Высшего разума, отражающего идею Логоса, в результате чего преодолевается мистика субъективно-произвольная, проявляется единство истины, добра и красоты;

в) развитие диалектического понимания связи добра и зла, что проявляется в симметричном процессе признания «Я» и «Другого», «врага своего», отказе от поисков врагов, стремление к внутреннему совершенству;

г) развитие творческого начала, проявление опыта вдохновения.

Исследования в виде социологических опросов, проведенные нами в 2000, 2007, 2009, 2011, подтверждают наличие указанных взаимосвязей в структуре современных мировоззренческих представлений.

Результаты социологического опроса, проведенного среди студентов вузов г.Красноярска, жителей города Красноярска (выборки составили 600 и 700 респондентов, соответственно) позволили выделить среди достаточно хаотичного набора квазирелигиозных верований населения организованную структуру представлений, соответствующую смысловому комплексу положительного всеединства. Корреляционный, факторный анализ показали значимость выделенных нами представлений (о существовании «связи всего со всем», существовании Высшего разума в той или иной форме, значимости стремления к внутреннему совершенству) в их связи с развитием творческой направленности личности.

Результаты исследования, проведенного в 2007, 2009, 2010 г. среди студентов Сибирского Федерального Университета (в целом – 900 респондентов) детализировали структуру взаимосвязей творческой направленности, опыта вдохновения студенческой молодежи с комплексом представлений, соответствующих положительному всеединству [12].

В ходе исследования значимые взаимосвязи установлены между общим эмоциональным фоном жизни студентов и степенью выраженности опыта вдохновения. Наиболее сильная взаимосвязь обнаруживается с частотой переживаний «Ощущение легкости, парения» (коэффициент корреляции составляет 0,43), «Обостренное восприятие красоты мира, природы» (коэффициент корреляции 0,31), «Чувство близости ко всему, ощущение единства со всем миром» (коэффициент корреляции 0,3), «Чувство полного вовлечения, растворения в том, что Вы делаете» (0, 27). Найденные взаимосвязи показывают значение переживаний легкости, единства, гармонии, красоты, полного вовлечения в дело как особенно важных для актуализации опыта вдохновения. Наличие указанных переживаний, согласно анализу интеркорреляций, образует взаимосвязанный комплекс, соответствующий логике положительного всеединства. Особенно отметим, значение переживаний красоты и единства, что часто недооценивается в современной прагматично направленной образовательной системе. Достаточно выражена взаимосвязь опыта вдохновения с такими важными для личности переживаниями, как: «Глубокое чувство собственной значимости, ощущение одобрения Вас самих» (0,2), «Чувство своей потенциальности, наполненности идеями, планами» (0,2), «Ощущение сосредоточенности, совершенной ясности цели, полного контроля над ситуацией» (0,2).

Как показал корреляционный анализ, опыт вдохновения соответствует более глубокому, сущностному, радостному представлению о природе творчества, тесно связан с такими ассоциациями с творчеством как (в

скобках указаны коэффициенты корреляции): обилие энергии (0,32), глубинное ядро (0,31), целостность (0,31), тайна (0,41), добро (0,30), игра (0,31), свобода (0,21), саморазвитие (0,23).

Опыт вдохновения в творчестве студенческой молодежи оказался значимо связан с представлениями, выделенными нами в ходе анализа мировоззрения, соответствующего концепции положительного всеединства: вера в существование «незримой связи» между людьми, людьми и природой, всем миром (коэффициент корреляции 0,22), вера в существование Высшего разума в той или иной форме (0,2), вера в значимость совершенствования внутреннего мира человека (0,21). Семантический анализ образа Высшего разума среди студенческой молодежи с помощью шкал семантического дифференциала показал, что проявленность опыта вдохновения у студентов тесно взаимосвязана со следующими характеристиками этого образа, созвучными концепции философии всеединства: помогающий, прощающий, внимательный, близкий, освобождающий, светлый, легкий, понятный.

Необходимо отметить, что оценивая структурную целостность мировоззренческих, религиозных представлений, приходится иметь дело со сложными вопросами. Специфическая сложность, «многомерность» анализируемой темы отражена, например, Т. Парсонсом в определении религии, как человеческого феномена, объединяющего культурную, социальную и личностную системы в осмысленное целое. Попытки препарировать эту многомерность выявили многообразие подходов, взаимодополнительность различных точек зрения, развитых в рамках философии, социологии, психологии, религиоведения. В нашей работе определяется возможность и необходимость анализа современного мировоззрения в контексте роста значимости творчества, показано сопряжение опыта творчества, вдохновения и комплексной смысловой структуры представлений, развитой философией всеединства.

References:

1. Ioans, Khans Kreativnost' deistviya [Creativity of action], Khans Ioans. – St. Petersburg., Aletea, 2005. – 320 p.
2. Leitts, G. Psikhodrama: teoriya i praktika. Klassicheskaya psikhodrama [Psychodrama: theory and practice. Classical psychodrama], Ya.L. Moreno, G. Leitts. – M.: Progress, 1994. – 352 p.
3. Rashkovskii, E.B. Sovremennoe miroznanie i filosofskaya traditsiya Rossii: o segodnyashnem prochtenii trudov Vl. Solov'eva [Modern world knowledge and the Russian philosophical tradition: about contemporary reading of Vl. Solovyov's works], Voprosy filosofii. [Philosophical issues] – 1997., No.6., pp. 92-105.
4. Berdyayev, N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-cognition (experience of philosophical autobiography)], N.A. Berdyayev. – Moscow., Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations], 1990. – 336 p.
5. Mei, R. Iskusstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [The art of psychological counseling] R. Mei. – Moscow., 1994. – 144 p.
6. Florenskii, P.A. Stolp i utverzhdenie istiny [Pillar and the statement of truth] P.A. Florenskii. – M.: Pravda, 1990. – 490 p.
7. Akulinin, V.N. Filosofiya

vseedinstva [Philosophy of all-unity]: Ot V.S. Solov'eva k P.A. Florenskomu., V.N. Akulinin. – Novosibirsk., Nauka [Science], Siberian Branch., 1990. – 158 p.

8. Trubetskoi, E.N. Izbrannye proizvedeniya [Selected works], E.N. Trubetskoi. – Rostov-na-Donu., Feniks, 1998. – 512 p.

9. Solov'ev, V.S. Izbrannoe [Selected works], V.S. Solov'ev. – Moscow., Sovetskaya Rossiya [The Soviet Russia], 1990. – 270 p.

10. Berdyayev, N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost' [New religious consciousness and the public], N.A. Berdyayev. – Moscow., Kanon, 1995. – 464 p.

11. Bulgakov, S.N. Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya [Unfading light: contemplation and meditation], S.N. Bulgakov. – Moscow., Respublika [Republic], 1994. – 415 p.

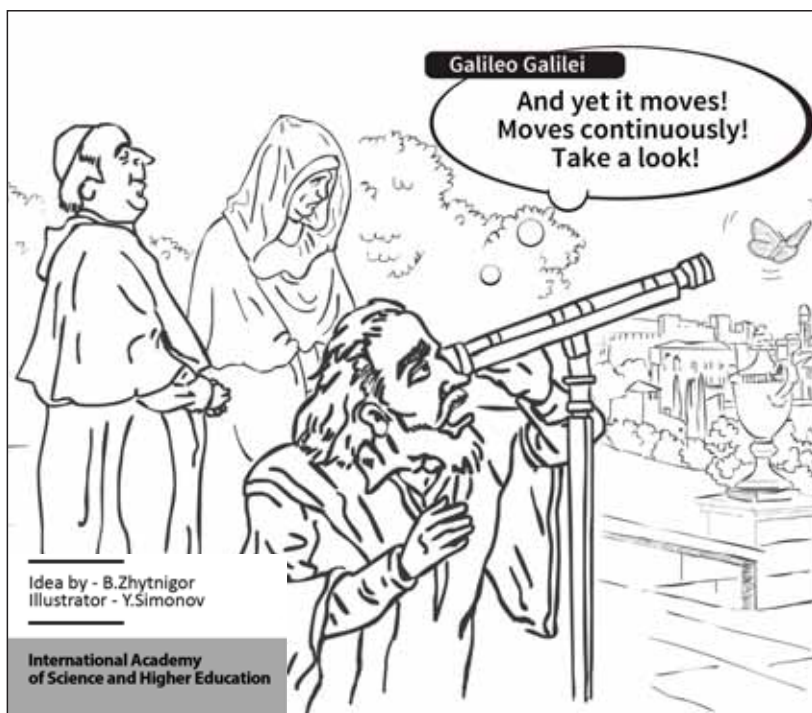
12. Starikov, P.A. Pikovye perezhivaniya v tvorchestve studencheskoi molodezhi: monografiya [Peak experiences in the creativity of student youth: monograph], P.A. Starikov. – Krasnoyarsk., filial NOU VPO «Sankt-Peterburgskii institute vneshneekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava» v g. Krasnoyarske [LEU VPO branch «St. Petersburg Institute of foreign economic relations, economics and law» in Krasnoyarsk], 2012. – 82p.

Литература:

1. Йоанс, Ханс Креативность действия., Ханс Йоанс. – СПб: Алетея, 2005. – 320 с.
2. Лейтц, Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама., Я.Л. Морено., Г. Лейтц. – М., Прогресс, 1994. – 352 с.
3. Рашковский, Е.Б. Современное мировоззрение и философская традиция России: о сегодняшнем прочтении трудов Вл. Соловьева., Вопросы философии. – 1997, № 6., с. 92-105.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии), Н.А. Бердяев. – М., Международные отношения, 1990. – 336 с.
5. Мэй, Р. Искусство психологического консультирования., Р. Мэй. – М., 1994. – 144 с.
6. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины., П.А. Флоренский. – М., Правда, 1990. – 490 с.
7. Акулинин, В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому., В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние., 1990. – 158 с.
8. Трубецкой, Е.Н. Избранные произведения., Е.Н. Трубецкой. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1998. – 512 с.
9. Соловьев, В.С. Избранное., В.С. Соловьев. – М., Советская Россия, 1990. – 270 с.
10. Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность., Н.А. Бердяев. – М., Канон, 1995. – 464 с.
11. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения., С.Н. Булгаков. – М., Республика., 1994. – 415с.
12. Стариков, П.А. Пиковые переживания в творчестве студенческой молодежи: монография., П.А. Стариков. – Красноярск., филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2012. – 82с.

Information about author:

1. Pavel Starikov - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University; address: Russia, Krasnoyarsk city; e-mail: kriprikrit@rambler.ru

THE BRAND GENEALOGIES

I. Illin, Student
Kharkiv National University named
after V.N. Karazin, Ukraine

The author focuses on the careful consideration of ethical and psychological approaches to the analysis of a brand. Ascertaining the reasons of the insufficient study of these approaches, the author proposes a novel solution - to carry out respective genealogy of the brand. In this article positivism of these approaches, as well as their political implications in the genealogies become clear. As a result of the brand analysis from the social and philosophical point of view, the author points to a peculiarity of production of modern affective subjectivity.

Keywords: brand, genealogy, affective subjectivity, power, psychology.

Conference participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

ГЕНЕАЛОГИИ БРЕНДА

Ильин И.В., аспирант
Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина, Украина

Автор акцентирует внимание на разборе этического и психологического подходов к анализу бренда. Выяснив недостаточную проработку оснований этих подходов, предлагается оригинальное решение – провести соответствующие генеалогии бренда. В ходе статьи становится ясным позитивизм указанных подходов, а также их политическая подоплека в генеалогиях. В результате анализа бренда с социально-философской точки зрения, указывается на особенность производства современной, аффективной субъективности.

Ключевые слова: бренд, генеалогия, аффективная субъективность, власть, психология.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1059>

Согласно Адаму Арвидссону, бренд необходимо рассматривать как платформу, организующую разнообразные формы деятельности для общей цели, в общем направлении между потребителем и брендом. Поэтому потребители не просто покупают бренд, но участвуют в этических отношениях с брендом, формируя свою жизнь согласно определенному образу и кодексу поведения. Именно благодаря созданию брендом этически значимых отношений, актуализируемых свободно с точки зрения воли потребителей и бесплатно для компании-бренда, производится прибавочная стоимость [3, 269]. Хотя для Арвидссона и очевидно это несправедливое распределение средств, однако все же им делается неожиданное предположение о том, что «лучше всего, если компания сможет идти к «высшей цели», взяв на себя нравственную, экологическую или социальную задачу, которая бы подлинно управляла ее действиями: не только «продавать велосипеды», но «работать над созданием экологического транспорта»» [3, 274 – перевод здесь и далее мой – И.И.]. Однако, очевидно, что не совсем этические отношения бренда это обстоятельство не прекратит. Проект «этической экономики», таким образом, является противоречивым, хотя и содержит критику по отношению к «обществу бренда» (термин Мартина Корнбергера), все же желает его сохранить, прибегая к моральным укоризнам и благопожеланиям о «высшей цели». В тоже время «этическое» по-

нимание бренда совершенно небезосновательно. Но для того, чтобы узнать подлинную «этику» бренда, его основание следует обратиться к генеалогическому методу Мишеля Фуко, который заключается в прерывании любых нарративов, в очуждении настоящего (в смысле времени и статуса), а также размельчении «больших» событий и понятий на мелкие, исторические проблематизации связки власти-знания.

Итак, в 1888 году братья Левер организовали в графстве Чешир маленький город под названием «Порт Санлайт» (с англ. – sunlight – солнечный свет) по одноименному названию мыла, который они производили. Этот город строился в соответствии с движением «Город-сад», поэтому особое внимание было уделено садово-парковому благоустройству территории. Кроме улиц с домами для рабочих, были выстроены: художественная галерея, больница, техническое училище, поля для игры в крокет, общественные бани, церковь и пр. Все архитектурные строения были выполнены в готическом стиле, поскольку по мысли Уильяма Левера (и здесь он соглашался со знаменитыми английскими просветителями, Джоном Моррисом, Уильямом Раскиным и др.), только он нес с собой духовность и красоту. Левер считал этот город ячейкой Британской империи, и чем больше создавалось там комфорта и счастья, тем благополучнее становилась империя. Чистота и здоровье рабочего населения была основной

задачей Левера и причиной гордости за его страну: «Здоровая домашняя жизнь сделала Англию той, чем она является, и будущее Англии среди наций мира зависит от поддержания здоровой домашней жизни». Левер считал чистоту «цивилизующей миссией» («Мыло это цивилизация»), идеей Британской империи. Также Левер уделял большое внимание эстетическому образованию рабочих, поскольку считал, что человек не умеющий разбираться и получать удовольствие от произведений искусства, не может считаться полноценным. Повышение образования среди рабочих, по мысли Левера, приведет к тому, что разница между классами исчезнет, поскольку прогресс и счастье нации станут главной, объединяющей идеей их жизни, а наличие свободного времени и обучения увеличат производительность труда [12, 130, 85, 82, 96, 93, 226].

Проект Левера «Порт Санлайт» необходимо осмыслить через понятие «управленчество» Мишеля Фуко, которое означает воздействие на поведение, желания людей как объектов и субъектов этого изменения [11, 3-4] и характеризуется устройством безопасности. Задачей власти является создание благоприятных условий существования населения, то есть преумножение живого. Поэтому ее прямое вмешательство происходит лишь тогда, когда индивидом не используется свобода увеличения, улучшения жизни. С одной стороны, управленчество (в форме пастырства, (нео)либерального государства) производит

пространство для лучшей жизни, а значит и свободу действовать на пользу лучшей жизни, но с другой стороны, пресекает всякие попытки не следовать правилам этого пространства (1, 117, 447). Например, чтобы получить сертификат для участия в прибылях компании (profit-sharing scheme), рабочий должен был подписать соглашение, в котором он обязуется не «тратить время, труд, материалы, или деньги... и что он будет и далее следовать интересам Братьев Левер...». Сертификат будет аннулирован в случае «обвинения в безнравственности, халатности, нечестности, несдержанности, умышленном проступке, вопиющей неэффективности, (или) нелояльности к собственникам». После поддержки некоторыми рабочими страйка в Мерсисайде в 1918 году сертификат для них был аннулирован. Также Левер предлагал рабочим обменять часть зарплаты на поддержание благосостояния «Порт Санлайт», объясняя это тем, что это будет полезнее чем, если рабочий сам потратит эти деньги на виски и жирный сыр. Таким образом, Левер распространял свою отеческую власть даже на содержание еды своих рабочих. Учреждение здоровых и чистых домов служило, по его мнению, средством для противостояния участия в дешевых и вредных развлечениях, алкоголизму и прочей безнравственности. Ко всему вышеупомянутому следует прибавить то обстоятельство, что официальный представитель мог в любое время проинспектировать соблюдение норм в домах рабочих [12, 133, 98, 137, 126].

Таким образом, Левер «разрезает» сгущенное пространство и время жизни рабочего. Свободное время операционализируется пространственно, посредством эстетизации и морализации жизненного пространства рабочего. Благодаря процедурам управления Левер не только создает пространство для свободы (и свободного времени) рабочего, но также создает новую субъективность рабочего, связывая ее с нравственно-этическими обязательствами, медицинскими нормами, национально-патриотическими интересами, тем самым «разрешая» классовый конфликт. Действительно, Левер деполитизировал рабочие

интересы, перенаправив их в сферу домашних забот и норм жизни среднего класса. Ему удалось совместить экономические интересы и этические требования, а значит, он произвел то, что стало функционировать впоследствии как бренд. Важно подчеркнуть, что проект Левера с самого начала и до конца является политическим проектом, то есть позиционирующимся в качестве защиты определенного строя, его консерватизации.

Поэтому совершенно нельзя согласиться с Адамом Арвидссоном относительно «высших целей» для бренда. Как показывает генеалогия бренда, «высшие цели» всегда производились и достигались в рамках капиталистического порядка, не выходя и не претендуя на выход за пределы последнего. Отсюда, если и критиковать власть компаний-брендов (что пытается делать Арвидссон), а, следовательно, и искать решения кризисным последствиям их существования, то это необходимо делать, относясь *cum grano salis* по отношению к языку, на котором «говорит» сам бренд, а также к тем техникам, которые служат его воспроизведению.

Это же замечание касается также мыслей Мартина Корнбергера о возникновении бренда в его книге с красноречивым названием «Общество бренда»: «Эдвард Бернейс изменил этот мир: речь шла теперь не о товаре и его функциональности, но о его связи с бессознательными желаниями людей.... В то время как товары создавались для удовлетворения потребностей, бренды создаются для производства желания» [6, 8]. Ясно давая понять читателю о своей симпатии к фуконианской концепции управления [6, 117, 197, 199 *passim*], Корнбергер некритически подходит к психологическому объяснению бренда, тем самым забывая о духе проекта Фуко - лишить науку статуса деполитизированной истины. Отсюда необходимость политически, а значит, генеалогически относиться к психологии.

Согласно британскому последователю Фуко Николасу Роузу, психология «не совокупность абстрактных теорий и объяснений, но «интеллектуальная технология», способ сделать видимым и познаваемым определен-

ные характеристики людей, их поведения, а также их отношений с другими» [11, 11-12]. В обществе управления, в (нео)либеральном обществе, власть осуществляется не вопреки индивиду, не через насилие над ним, подавление, заключение, но через его свободу, реализовать которую человеку помогает психология. Поэтому понятие свободы психологизируется и представляется как свобода выбора, свобода самореализации, достижения успеха и пр. Таким образом, любые социальные практики, от воспитания детей до политической борьбы, транслируются через психологический аппарат. Психология делает видимым, производит новую объективность: личность, человека «вообще», постулируя свой авторитет в сфере знания человека посредством различных техник просчитывания, вписывания, классификации [11, 37]. «Современная либеральная личность «вынуждена быть свободной», конструировать все аспекты своей жизни как результат выбора среди определенного числа вариантов. Каждый атрибут личности реализуется через решения, принятые в терминах мотивов, потребностей, стремлений самой личности», - пишет Роуз [10, 101]. Таким образом, для Роуза психология позволяет современному индивиду свободно, ответственно и рационально принимать решения, делать выбор [10, 155].

Здесь необходимо отметить, что если смысл свободы в XIX веке понимался политически и заключался в изменении самих условий существования человека, которые мешали его свободе, то психологически понимаемая свобода переносит фокус на изменение человеком отношения, своей личности касающихся тех или иных обстоятельств, поиску наиболее полного самовыражения себя, не изменяя, не подвергая сомнению *status quo*.

Примером психологизации может послужить практика Элмesta Саутэрда и Мэри Джэретт в Бостонской психопатической больнице. В их книге «Царство болезней» (1922) описывается случай тридцатипятилетнего лифтера Альфреда Мэка, страдающего от алкоголизма и диагностированного как психически больного. Психические тесты на уровень интел-

лекта по шкале Йеркса и тесты Бине показали уровень интеллекта больного ниже среднего относительно его возраста. Однако после проведения психологического исследования было выяснено, что такой результат был обусловлен влиянием алкоголя. Также на ноге больного были обнаружены язвы, которые могли быть вызваны сифилисом, однако исследование крови опровергло эти подозрения. Также у Мэка оказалась плохая наследственность. Его родители, а также сестры и братья по матери страдали от алкоголизма. Отец отличался сексуальной развращенностью. На работе Альфреда знали как честного и, в общем-то, нормального человека, несмотря на его пристрастие к табаку и некоторую меланхоличность и необщительность. Кроме переживаний ранней любви, Мэка не интересовали женщины. В тридцать пять лет с ним случился первый приступ *delirium tremens* (белая горячка). Курс лечения заключался в том, что ему дали деньги и временную работу лифтера, а также, что самое важное, пригласили в «Мужской клуб» для реабилитации от алкоголизма при больнице. На собраниях, главной темой которых было «Как побороть пьянство», происходила терапия, заключающаяся в рационализации своего поведения пациентами под руководством врача. Этим достигалась возможность пересмотреть отношения пациентов к своей жизни и встать на путь трезвости, что, как с удовлетворением заключают авторы, в конце концов, помогло Альфреду Мэку вернуться в мир здоровым и трезвым [5, 35-40]. Следует заметить, что алкоголизм рабочего Альфреда Мэка конструируется как психическая болезнь, внимание обращается на семью, отношение к женщинам, поведение на работе, результаты теста измерения интеллектуального уровня, физическую конституцию. Лечение этой болезни представлено в форме трудовой и терапевтической реабилитации и ортопедическому подходу к язве ноги.

Таким образом, психологизация создает «ментальное пространство» жизни индивида (семья, поведение, интеллектуальный уровень и пр.) для дальнейшей нормализации индивида, адаптации к существующему положе-

нию вещей. То есть все дело заключается в модуляции своего «ментального пространства», изменения своего отношения, а не изменения самих отношений. Другими словами, производится «истина» о нормальном индивиде, которая затем становится внутренней, произведенной самим индивидом «истиной» о нем самом (ту же функцию выполняет сегодня корпоративная культура для психологического объединения работников с компанией-брендом). Отсюда важность психотерапии как средства рационализации, приведения к норме индивида, проговариванию «истины» о себе и о других. Таким образом, психология дает язык, создает пространство «внутри человека» для реализации (психологической) свободы в современном обществе управленчества. Посему, принимая не критически психологическую интерпретацию бренда, Мартин Корнбергер уже включает свою концепцию в дискурс современной власти, то есть он мыслит бренд на том языке, в котором явлено насилие конкретно-исторической ситуации. В этом пункте проявляется позитивизм Корнбергера по отношению к психологии, что делает невозможным всякую серьезную критику бренда.

Можно ли помыслить бренд также как Роуз концептуализирует психологию, то есть представить себе, что индивид рационально выбирает и воспроизводит психологическую теорию так же, как он выбирает и воспроизводит бренд? Обратимся к следующему историческому примеру. В 1889 году Германн Бахльзен основал Ганноверскую фабрику кексов. Будучи знакомым с американской практикой рекламы и ведения коммерческого предприятия и постоянно заимствуя опыт из Нового света, Бахльзен решил использовать самые современные разработки в своем деле. Поэтому, он дает название кексам «Лейбниц Кекс», что сразу же отсылает к тому, что эти кексы из Ганновера, который является родиной великого философа Готфрида Лейбница. Новшеством было то, что для создания запоминающейся торговой марки («прыгающая лошадь») и разработки дизайна упаковки для кексов он нанимает парижских ху-

дожников. Для Бахльзена все эти нововведения были необходимы, поскольку, заручившись авторитетом психологии, он понимал, что именно так можно создать устойчивый, запоминающийся образ о своем товаре, и вполне отдавал себе отчет в том, что потребителем руководит не разум, а эмоции. Эти кексы, по его мнению, будут покупаться не потому, что они кексы, но поскольку они «Лейбниц кекс» Бахльзена. Он использовал рекламу во всех возможных средствах массовой информации – от газет до железнодорожных купе. Во время первой мировой войны, Бахльзен поставлял свои кексы на фронт, а в мирное время распространял кулинарные книги на дом [14, 97, 99, 100, 104, 106]. Бренд имеет дело с убеждением, с соблазном, а не с разумом – это первый постулат возникшей в начале XX века психологии рекламы. Пионер этого направления Уолтер Дилл Скотт пишет следующее: «Больше всего вкус зависит от чувства и воображения. Понравится ли мне еда или нет, часто зависит от того, что я подумаю о еде, прежде чем я ее попробую. В этом шанс для рекламодателя. Он способен повлиять на меня, чтобы я купил товары, а затем его *реклама может создать во мне вкус к товарам после того, как я их купил*. Будет ли это по вкусу «свинина» или «индейка» зависит не только от того, когда ты действительно попробуешь, но также от эффективности рекламы в создании благоприятной атмосферы» [13, 198 – курсив мой – И.И.]. Поэтому и психология, и бренд (можно сказать шире, и власть) реализуется не посредством рациональной процедуры субъективации со стороны, скажем, потребителей, но через аффект, то есть благодаря допредикативному, досознательному, эмоциональному внушению, убеждению, пафосу и риторике.

Если Фуко настаивает на том, что при неолиберализме биополитика означает полную экономизацию всех социальных отношений, и превращение всех индивидов в рациональные и ответственные предприятия («человеческий капитал»), то технология психологии, а вместе

с ней и «общество бренда», обеспечивающая язык и техники свободы в современном обществе, отнюдь не являются рациональными, как это мыслит Роуз. Более того, следует согласиться с Дерексом Хуком [4, 217-218, 242-243], в том, что *психология производит современную субъективность в качестве аффективной субъективности, а значит, именно благодаря этой аффективности осуществляется власть брендов* (в качестве гипотезы, можно прибавить, и финансовых рынков и политических выборов и пр.), а также только аффективность доставляет самые большие прибыли в современном капитализме, что видно хотя бы на примере стоимости брендов, в несколько раз превышающей фактическую стоимость компаний. Отсюда, проблематичным становится концепция «предпринимательского потребления» Детлева Цвика и Йессима Озальпа, заключающаяся в объединении рационального интереса и иррационального желания потребителя [15, 245-246] поскольку становление-потребителем (используя делезовский способ выражения), как и становление-женщиной, становление-пациентом и др., происходит не через рациональный и ответственный выбор, но благодаря аффективному производству «ментального пространства» «эмоций», «ценностей», «желаний», «болезней» и пр. в жизни индивида, которое проявляется в микрополитике любви, ненависти, надежды, брезгливости и пр. Таким образом, осуществляется редукция социального пространства дискурса (связки власть-знание) к «ментальному пространству» концепций, идей [7, 296], техник по (само)управлению и «освобождению» себя внутри существующего дискурса. Поэтому бренд следует определить как форму аффективного управленчества, функционирующего в сети микрополитических оснований повседневных отношений индивидов к себе и другим посредством интериоризации определенных видов дискурсивной, аффективной риторики производства идентичности.

Концептуального персонажа «общества бренда» можно представить

в образе игрока в азартные игры. Согласно Герде Рейт, игрока характеризует навязчивое повторение одних и тех же действий, одного и того же потребительского выбора с надеждой выигрыша, с упованием на удачу. Более того, игрок подрывает основы капиталистического порядка: не желая работать, он отрицает этику труда, а значит, и всякие «нормальные» семейные отношения, надеясь перевернуть социальную иерархию (бедный станет богатым). Игрок безразлично относится к деньгам, для него они лишь средство, цена за безумные переживания [9, 34, 36, 37, 42]. Поэтому-то современное «общество бренда» существует благодаря кредитованию самого себя, с одной стороны, и постоянному «подстегиванию» потребителей аффективно производить свои идентичности, с другой. Само это аффективное производство, являясь деструктивным (к примеру, ипотечный кризис 2008-2010) и антикапиталистическим по форме (игрок), нуждается в контроле и, более всего, в самоконтроле и ответственности, конструктивной активности потребителей, что, соответственно, уменьшает потребность в брендах. Ведь «как только люди начинают задумываться о том, сколько действительно стоят брендовые продукты, способность брендов устанавливать премиальную цену, а, следовательно, производить финансовую прибыль стремится к нулю» [2, 57], а значит, сокращается производство. Для «правильного» распоряжения потребительской свободой (и во избежание антикапиталистических форм жизни) организуется целая теория и практика «со-творчества» брендов и потребителей в различных регулируемых пространствах игры, свободы, творчества (например, веб-соревнование на лучший дизайн бутылки пива Heineken[8]), а чтобы избежать сокращения производства происходит ре-колонизация Африки и Ближнего Востока по образу и подобию западных «обществ бренда». Но остается под большим вопросом – сможет ли аффективное производство идентичности совладать с присущими капиталистической экономике границами (прибавочная стоимость, кредитная система)?

References:

1. Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektzii, pročitannykh v Kolledzhe de Frans v 1977—1978 uch. godu [Security, territory, population. The course of lectures at the College de France in 1977-1978] [Text]., M. Fuko., translated from French by Yu.Yu. Bystrova, N.V. Suslova, A.V. Shestakova). – St. Petersburg., Nauka [Science]., 2011. – 544 p.
2. Andjelic A. From Brands to Behaviors: A Sociology of Attachment in the Age of Digital Media [Tekst]. A. Andjelic. – Columbia University, 2010. – 197 p.
3. Arvidsson A. Ethics and value in customer co-production [Tekst] A. Arvidsson. Marketing Theory, 2011., Vol. 1., No. 3., pp. 261-278. <http://dx.doi.org/10.1177/1470593111408176>
4. Hook D. Foucault, Psychology and the Analytics of Power [Tekst], D. Hook. – Palgrave Macmillan, 2007. – 301 p. <http://dx.doi.org/10.1002/casp.994>
5. Jarrett M. The Kingdom of Evil. Psychiatric Social Work Presented in One Hundred Case Histories Together with a Classification of Social Divisions of Evil [Tekst]/ M. Jarrett, E. Southard. – New York., The Macmillan Company, 1922. – 707 p.
6. Kornberger M. Brand Society. How brands transform management and lifestyle [Tekst]., M. Kornberger. – Cambridge University Press., 2010. – 308 p.
7. Lefebvre H. The Production of Space [Tekst], H. Lefebvre. – Wiley-Blackwell., 1991. – 454 p.
8. Nicholls E. Heineken launches open innovation platform [Elektronnyi resurs], E. Nicholls., Access mode: <http://www.corpcommsmagazine.co.uk/news/2324-heineken-launches-open-innovation-platform>.
9. Reith G. Gambling and the Contradictions of Consumption. A Genealogy of the “Pathological” Subject [Tekst], G. Reith, American Behavioral Scientist, 2007. – Vol. 51., No. 1., pp. 33-55. <http://dx.doi.org/10.1177/0002764207304856>
10. Rose N. Inventing Our Selves: Psychology, Power, and Personhood [Tekst], N. Rose. – New York., Cambridge University Press, 1996. – 236 p.

 <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511752179>

11. Rose N. Powers of Freedom. Reframing Political Thought [Текст], N. Rose. – Cambridge University Press., 2004. – 321 p. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511488856>

12. Rowan D. Imagining Corporate Culture: The Industrial Paternalism of William Hesketh Lever at Port Sunlight, 1888-1925 [Текст], D. Rowan. – Louisiana State University, 2006. – 261 p.

13. Scott W. The Psychology of Advertising. A Simple Exposition of The Principles of Psychology In Their Relation to Successful Advertising [Текст]/ W. Scott. – Boston., Small, Maynard & Company, 1913. – 280 p.

14. Sherayko G. The New Consumerism in Weimar Germany [Текст], G. Sherayko. – Indiana University., 1996. – 280 p.

15. Zwick D. Flipping the Neighborhood: Biopolitical Marketing as Value Creation for Condos and Lofts [Текст], D. Zwick, Y. Ozalp, Inside Marketing. Practices, Ideologies, Devices. Ed. By D. Zwick and J. Cayla. – Oxford University Press., 2011., pp. 234-257.

Литература:

1. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1977-1978 уч. году [Текст], М. Фуко (пер. с фр. Ю.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова). – СПб., Наука, 2011. – 544 с.

2. Andjelic A. From Brands to Behaviors: A Sociology of Attachment in the Age of Digital Media [Текст], A. Andjelic. – Columbia University., 2010. – 197 p.

3. Arvidsson A. Ethics and value in customer co-production [Текст]/ A. Arvidsson., Marketing Theory, 2011., Vol. 1., № 3., pp. 261-278.

4. Hook D. Foucault, Psychology and the Analytics of Power [Текст], D. Hook. – Palgrave Macmillan, 2007. – 301 p.

5. Jarrett M. The Kingdom of Evil. Psychiatric Social Work Presented in One Hundred Case Histories Together with a Classification of Social Divisions of Evil [Текст], M. Jarrett, E. Southard. – New York., The Macmillan Company, 1922. – 707 p.

6. Kornberger M. Brand Society. How brands transform management and lifestyle [Текст], M. Kornberger. – Cambridge University Press., 2010. – 308 p.

7. Lefebvre H. The Production of Space [Текст], H. Lefebvre. – Wiley-Blackwell., 1991. – 454 p.

8. Nicholls E. Heineken launches open innovation platform [Электронный ресурс], E. Nicholls. Режим доступа: <http://www.corpcommsmagazine.co.uk/news/2324-heineken-launches-open-innovation-platform>.

9. Reith G. Gambling and the Contradictions of Consumption. A Genealogy of the "Pathological" Subject [Текст], G. Reith., American Behavioral Scientist, 2007. – Vol. 51., № 1., pp. 33-55.

10. Rose N. Inventing Our Selves: Psychology, Power, and Personhood [Текст], N. Rose. – New York., Cambridge University Press, 1996. – 236 p.

11. Rose N. Powers of Freedom. Reframing Political Thought [Текст], N. Rose. – Cambridge University Press., 2004. – 321 p.

12. Rowan D. Imagining Corporate Culture: The Industrial Paternalism of William Hesketh Lever at Port Sunlight, 1888-1925 [Текст], D. Rowan. – Louisiana State University., 2006. – 261 p.

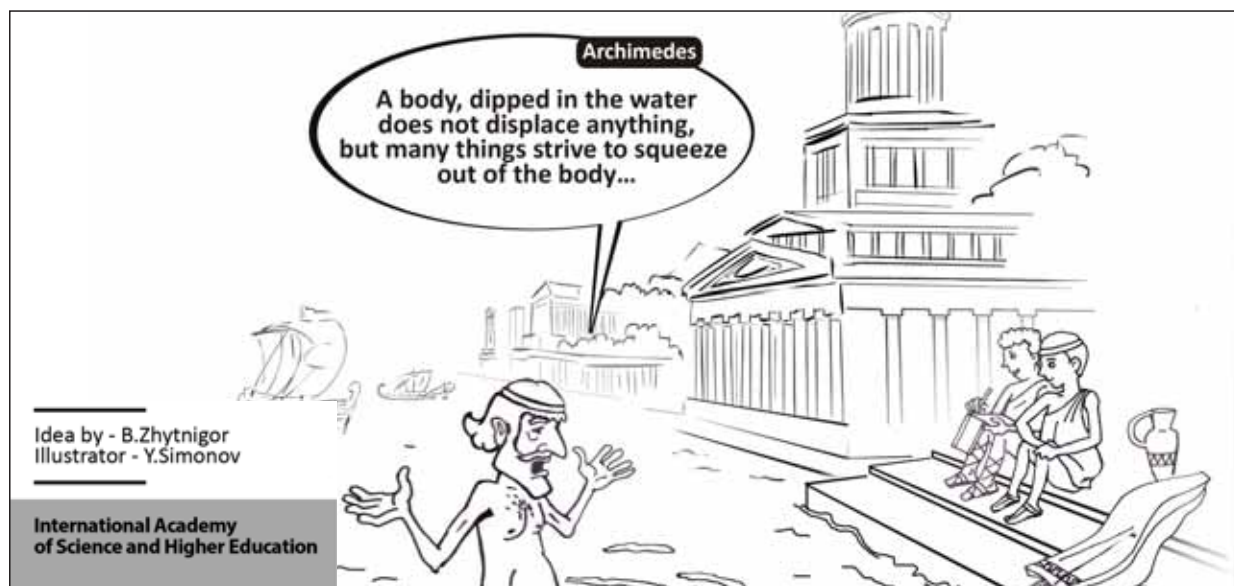
13. Scott W. The Psychology of Advertising. A Simple Exposition of the Principles of Psychology In Their Relation to Successful Advertising [Текст]/ W. Scott. – Boston., Small, Maynard & Company, 1913. – 280 p.

14. Sherayko G. The New Consumerism in Weimar Germany [Текст], G. Sherayko. – Indiana University, 1996. – 280 p.

15. Zwick D. Flipping the Neighborhood: Biopolitical Marketing as Value Creation for Condos and Lofts [Текст], D. Zwick, Y. Ozalp., Inside Marketing. Practices, Ideologies, Devices. Ed. By D. Zwick and J. Cayla. – Oxford University Press., 2011., pp. 234-257.

Information about author:

1. Ilya Illin - Student, Kharkiv National University named after V.N. Karazin; address: Ukraine, Kharkiv city; e-mail: i.v.illin1988@gmail.com

EMPIRICAL-EXPERIMENTAL RESEARCH ON FORMATION OF SENSE-OF-LIVING ORIENTATIONS OF STUDENTS- PSYCHOLOGISTS AT THE UNIVERSITY CONDITIONS

M. Arkaeva, Candidate of Psychology, Senior Lecturer
Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia

This report is devoted to the issue of formation of sense-of-living orientations of students-psychologists in conditions of a university. On the basis of the systems approach a model of formation of sense-of-living orientations for students-psychologists was devised. The offered model is based on the following components: cognitive, motivational, emotional and will-based, value-related and behavioral. This report contains the results of the research carried out.

Keywords: meaning of life, sense-of-living (auto-ethnographic) orientations, value-related orientations, students-psychologists.

Conference participant

ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

Аркаева Н.И., канд. психол. наук, старший преподаватель
Челябинский педагогический университет, Россия

Статья посвящена проблеме формирования смысловых ориентаций у студентов-психологов в условиях вуза. На основе системного подхода разработана модель формирования смысловых ориентаций у студентов-психологов. Предлагаемая модель опирается на следующие компоненты: когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой, ценностный и поведенческий. Представлены результаты проведенного исследования.

Ключевые слова: смысл жизни, смысловые ориентации, ценностные ориентации, студенты-психологи.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1060>

Социально-экономические изменения, происходящие в российском обществе, интенсивные преобразования в области профессиональной подготовки, изменение жизненных ценностей, ориентиров и смыслов повышают актуальность изучения становления, формирования и развития смысловых ориентаций у студентов. Умение студента разобраться в собственных жизненных стратегиях и соотнести их с самореализацией в профессии становится одной из важнейших характеристик личности. Смысловые ориентации личности являются продуктом системы отношений с миром, с другими людьми, с самим собой; их формирование представляет собой особенный период в онтогенезе, содержание которого отражается в становлении студента как субъекта собственного развития, способного осознавать свои жизненные цели и определять перспективы профессионального роста. Поэтому профессиональное образование для студентов становится той средой, которая создает благоприятные условия для формирования у них смысловых ориентаций самоопределения и саморазвития.

К профессии психолога предъявляются особые требования, поскольку основным инструментом его деятельности является сама личность профессионала и её внутренний опыт. Недостаточная личностная осознанность смысловых ориентаций приводит к тому, что процесс профессиона-

лизации и личностный рост остаются спонтанными, а это сказывается на эффективности будущей профессиональной деятельности и её детерминации смыслом жизни сегодняшнего студента.

Изучению смысла жизни в отечественных психологических исследованиях посвящены работы К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, В.Г. Асеева, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.В. Серого, В.Э. Чудновского, М.С. Яницкого др. Разработаны психологические теории, объясняющие природу смысла жизни, его структуру, основные характеристики, функциональное назначение и т.д. В зарубежных психологических исследованиях проблема смысла жизни освещалась с позиций психоанализа (З. Фрейд), аналитической психологии (К. Юнг), гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл). Однако остаются недостаточно исследованными вопросы, касающиеся содержания и формирования смысловых ориентаций у студентов.

Решение проблемы формирования смысловых ориентаций связано с поиском ответов на вопросы о сущности смысла жизни, ценностных ориентаций, смыслообразования. Возникая и развиваясь, смысловые ориентации обладают особенностями, связанными с возрастом субъекта, условиями его жизнедеятельности, формирования личности, профессионального становления. Этот вывод сделан

на основе анализа исследований ученых о важности осознания и осмысления собственной жизни (К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев), мотивации учебно-профессиональной деятельности (А.А. Бодалев, Л.И. Божович), роли эмоционально-волевой составляющей в формировании и развитии смысловых ориентаций (Б.Г. Ананьев, Б.И. Додонов, А.Н. Леонтьев), ценностей и ценностных отношений (Б.С. Братусь, В.Н. Мясищев, П.И. Пидкасистый, В. Франкл, В.А. Ядов и др.), самоактуализации (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл и др.), моделирования (В.И. Долгова, Ю.А. Конаржевский).

Анализ трудов специалистов позволил уточнить основные позиции исследования. Смысл жизни – это единица сознания и деятельности личности, характеризующая её направленность, отношение к миру, себе и другим людям. Смысловые ориентации – сложные психологические новообразования, проявляющиеся в когнитивных, мотивационных, эмоционально-волевых, ценностных и поведенческих аспектах. Ведущие особенности смысловых ориентаций у студентов-психологов определяются возрастной, социально-психологической и профессиональной принадлежностью. При всем их многообразии можно выделить и инвариантные черты: возрастные – самостоятельность и познавательная активность; личностные – уверенность в себе и контактность; профессиональные – чуткость,

ответственность, активность, оригинальность.

Вышеизложенное позволило сконструировать модель формирования смысложизненных ориентаций у студентов-психологов. В ходе моделирования выявлены 37 элементов, которые распределены по пяти компонентам;

Когнитивный — осмысленность жизни, сензитивность, сфера обучения и образования, познавательные потребности, креативность, представления о природе человека, синергия;

Мотивационный — собственный престиж, сфера профессиональной жизни, цели, развитие себя, достижение;

Эмоционально-волевой — процесс и эмоциональная насыщенная жизнь, результативность жизни или удовлетворенность самореализацией, локус контроля «Я», локус контроля «Жизнь», духовное удовлетворение;

Ценностный — активная деятельная жизнь, интересная работа, воспитанность, ответственность, творчество, развитие, образованность, ценности самоактуализации, познание, чуткость, рациональность;

Поведенческий — самоуважение, способность к активным социальным контактам, спонтанность, самостоятельность, гибкость в поведении, компетентность во времени, самопринятие, понимание агрессии, сохранение своей индивидуальности.

Проведенный анализ изучаемой проблемы позволил определить три уровня модели формирования смысложизненных ориентаций у студентов-психологов в условиях вуза: стихийно-эмпирический — формирование смысложизненных ориентаций на основе точечного анализа прошлого личного опыта, эмпирический — формирование смысложизненных ориентаций на основе дискретного анализа прошлого личного опыта, теоретический уровень — формирование смысложизненных ориентаций на основе непрерывного анализа прошлого личного опыта.

Методологической базой для построения модели является теория познания. Процесс формирования смысложизненных ориентаций происходит в виде организованных в систему дей-

ствий, операций, создающих условия для осмысления своей жизни, разрешения внутренних противоречий, развития целей и ценностей.

Формирование смысложизненных ориентаций у студентов-психологов осуществлялось при помощи психолого-педагогической программы, реализуемой на факультете психологии ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» (далее ЧГПУ). Содержательной основой данной программы стала модель, которая выявляет три уровня её функционирования: стихийно-эмпирический — низший, эмпирический — уровень опыта, теоретический — уровень, который предполагается формировать у студентов после проведения психолого-педагогической программы, реализуемой в рамках спецкурса.

С целью выявления наличия проблемы формирования смысложизненных ориентаций в 2005 – 2006 г.г. проведено пилотажное исследование. Выборка пилотажного исследования составила 686 человек. В исследовании приняли участие студенты первого ($n=140$), второго ($n=141$), третьего ($n=142$), четвертого ($n=132$), пятого ($n=131$) курсов факультета психологии ЧГПУ. В констатирующей части эксперимента приняли участие 142 студента третьего курса в возрасте от 18 до 24 лет, специальности «Педагогическая психология» и «Специальная психология»; в формирующей части — 80 чел, из них в экспериментальной группе (далее ЭГ) — 40 чел., в контрольной (далее КГ) — 40чел.

Целью констатирующего эксперимента было исследование структурно-содержательной и уровневой характеристик смысложизненных ориентаций у студентов-психологов.

Динамика развития элементов смысложизненных ориентаций на этапе пред-теста и пост-теста изучалась на основе разработанных критериев по характеристикам элементов в зависимости от исходного уровня (стихийно-эмпирического — 1 балл, эмпирического — 2, теоретического — 3).

Результаты диагностики сформированности смысложизненных ориентаций (по разработанному нами тест-планшету) у студентов КГ и ЭГ на констатирующем этапе свидетель-

ствуют о стихийно-эмпирическом и эмпирическом уровне их развития.

С помощью ранговой корреляции Ч. Спирмена выполнен корреляционный анализ. Установлена взаимосвязь между показателями внутри каждого компонента. При проведении анализа получены корреляционные матрицы, по которым построены корреляционные плеяды. Наличие статистически значимых корреляционных связей (при: $p<0,05$, $p<0,01$ или $p<0,001$) между элементами внутри каждого компонента смысложизненных ориентаций подтверждает их выбор в качестве показателей. Целостность смысложизненных ориентаций студентов-психологов проявляется в сопряженности их структурных компонентов. Сопоставление результатов, полученных в процессе исследования, позволяет предположить, что когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой, ценностный и поведенческий компоненты являются составляющими смысложизненных ориентаций у студентов-психологов.

Для уточнения структурного состава и углубленного изучения взаимосвязей между показателями смысложизненных ориентаций проведен факторный анализ с последующим варимакс вращением, который привел к выделению семи факторов с общей информативностью 61,69%. Результаты факторного анализа, а также средние значения диагностических методик являются основой определения критериев сформированности смысложизненных ориентаций у студентов-психологов. Сравнение соответствующих показателей в КГ и ЭГ показало отсутствие между ними значимых различий по 27 показателям из 37. Далее в ЭГ была реализована разработанная автором психолого-педагогическая программа.

Психолого-педагогическая программа была рассчитана на 78 академических часов и включала три блока: диагностический, теоретический, инструментальный — и пять модулей: когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой, ценностный и поведенческий.

После проведения входного и выходного психодиагностического обследования студенты были ознаком-

лены с его результатами и общими тенденциями осмысленности жизни, касающиеся выбора жизненного пути. Затем студентами были изучены научные концепции о феномене смысла жизни. Инструментальный блок включал психотехнические упражнения, тренинг развития жизненных целей, групповые дискуссии, беседы, ролевые игры, психологическое консультирование. На всех этапах обеспечено сочетание организационных форм: лекционных, семинарских, тренинговых и т.д. Тест «Смыслоразнообразие» Д.А. Леонтьева, опросник терминальных ценностей И.Г. Сенин, самоактуализационный тест (Э. Шостром, Л.Я. Гозман, М.В. Кроз), методика «ценностные ориентации» М. Рокича объединены в тест-планшет позволяющий оценить уровень сформированности всех пяти компонентов смысловых ориентаций.

Опытно-экспериментальная проверка результативности реализации психолого-педагогической программы формирования смысловых ориентаций у студентов-психологов позволила выявить наличие статистически значимых различий (при $p < 0,05$, $p < 0,01$ или $p < 0,001$) в уровне сформированности показателей смысловых ориентаций в ЭГ после экспериментального взаимодействия.

Сравнение результатов формирующего эксперимента в ЭГ и КГ с применением t- критерия Стьюдента

позволило выявить статистически значимые различия по 34 из 37 показателей смысловых ориентаций. При этом в ЭГ, где реализовывалась психолого-педагогическая программа формирования смысловых ориентаций, наблюдалась статистически значимая динамика (при $p < 0,05$, $p < 0,01$ или $p < 0,001$) по всем показателям, кроме ценностей «активная деятельная жизнь», «интересная работа», «воспитанность».

Проведенный анализ подтверждает эффективность разработанной психолого-педагогической программы, направленной на формирование смысловых ориентаций у студентов-психологов в условиях вуза.

References:

1. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannye psikhologicheskie trudy (pod red. Fel'dshteina D.I.) [Issues of the identity formation: Selected psychological works (ed. By D.I. Feldstein)]. – Moscow., Issue 2nd/3d, series: Psikhologiya otechestva [Psychology of fatherland]., 2001. – 352p.
2. Dolgova V.I. Akmeologiya upravleniya (na primere innovatsionnoi deyatel'nosti kadrov gosudarstvennoi sluzhby): monografiya [Acmeology of management (on the example of innovative activity of civil servants): monograph] – Chelyabinsk., ChGPU, 2007. – 308 p.

3. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activities. Consciousness. Personality]. – Moscow., Politizdat, 2005. – 304 p.

4. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of sense: nature, structure and dynamics of the sense reality]. – Moscow., Smysl, 2009. – 511 p.

Литература:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды (под ред. Фельдштейна Д.И.). – М., Издание 2-е/3-е, серия: Психология отечества. 2001. – 352с.
2. Долгова В.И. Акмеология управления (на примере инновационной деятельности кадров государственной службы): монография – Челябинск., ЧГПУ, 2007. – 308с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., Политиздат, 2005. – 304с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М., Смысл, 2009. – 511с.

Information about author:

1. Mariya Arkaeva - Candidate of Psychology, Senior Lecturer, Chelyabinsk State Pedagogical University; address: Russia, Chelyabinsk city; e-mail: machulka94@mail.ru

RESEARCH ON THE FORMATION OF INVARIANT AND PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF FUTURE EDUCATORS-PSYCHOLOGISTS

V. Shayahmetova, Senior Lecturer
Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia

In the report the author reveals the concept of professionally important invariant qualities of an educator-psychologist. The author offers the results of the experimental research, which allowed to discover professionally important invariant qualities of an educator-psychologist at the stage of professional training.

Keywords: invariant, professionally important qualities, key competencies, universal professionally important qualities and skills.

Conference participant

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВАРИАНТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ

Шаяхметова В.К., ст. преподаватель
Челябинский государственный педагогический университет, Россия

В статье раскрывается понятие инвариантных профессионально важных качеств педагога-психолога. Приведены результаты экспериментального исследования, по которым выявлены инвариантные профессионально важные качества педагога-психолога на этапе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: инвариант, профессионально важные качества, ключевые компетенции, универсальные профессионально важные качества и умения.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i6.1061>

Внимание к проблеме формирования профессионально важных качеств (далее ПВК) именно для практикующего психолога возросло с середины 1990-х годов, что отражено в трудах И.А. Вишнякова, В.И. Долговой, И.В. Дубровиной, В.Н. Карандашева, А.А. Крылова, М.Е. Литвака, Р.С. Немова, Р.В. Овчаровой, В.Э. Пахальяна, Е.И. Рогова, И.В. Шевцовой, которые подчеркивали, что наша теория и практика не имеют четких ориентиров в отношении профессионально важных качеств педагога-психолога.

Вместе с тем остаются недостаточно исследованными вопросы, касающиеся выявления и формирования инвариантных профессионально важных качеств. Проведенное исследование позволило нам выявить следующие противоречия между:

- необходимостью теоретико-методологического анализа проблемы формирования инвариантных профессионально важных качеств (далее ИПВК) педагогов-психологов и недостаточной изученностью названного феномена;

- необходимостью внедрения программы формирования ИПВК будущих педагогов-психологов и фактически существующим процессом профессиональной подготовки, ориентированным, главным образом, на передачу студентам знаний, умений и навыков.

Ориентируясь на сказанное, проблема исследования заключается в

разработке эффективной системы формирования инвариантных профессионально важных качеств будущих педагогов-психологов.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что формирование инвариантных профессионально важных качеств будущих педагогов-психологов представляет собой сложный процесс, конечный результат которого достигнет более высокого уровня, если в учебно-воспитательной деятельности факультетов психологии педагогических вузов будет разработана и внедрена программа формирования инвариантных профессионально важных качеств будущих педагогов-психологов.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы и методики исследования:

- теоретические (аналитико-синтетический, сравнительно-сопоставительный, метод моделирования);
- экспериментально-эмпирические (пилотажное исследование, беседа, эксперимент, метод экспертных оценок);

психодиагностические (программа педагога-психолога В.И. Долговой, методика «Коммуникативные и организаторские способности» (КОС) В.В. Синявского и Б.А. Федоришина, 16-ти факторный опросник Кеттелла, многофакторный личностный опросник FPI, анкетный опрос, опросник «Эмпатия» адаптированный А.А. Меграбяном, методика диагностики креативности и познавательных по-

требностей Л.Я. Гозмана, М.В. Кроз, М.В. Латинской, методика «Диагностика социально-коммуникативной компетентности», опросник волевого самоконтроля (ВСК) А.Г. Зверькова и Е.В. Эйдмана, опросник «Решительность» Э.Ф. Зеера, методика «Лидер» Р.С. Немова);

психокоррекционные (методы активного социально-психологического обучения – ролевая игра, групповая дискуссия, социально-психологический тренинг и др);

методы количественной обработки данных (оценка различий средних параметров для двух выборок (t-критерий Стьюдента).

Теоретическое обоснование ИПВК проведено нами с опорой на исследования ПВК в контексте личностно-профессиональных качеств как общих акмеологических инвариант профессионализма (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин), как составляющей акмеологического инварианта профессионализма управленческих кадров (М.В. Швыдкая), универсальных ПВК и умений (А.А. Боброва, В.А. Болотов, Н.А. Лошкарева, А.В. Хуторской), базовых или специальных квалификаций и ключевых компетенций (А.Е. Агапов, Э.Ф. Зеер, С.Е. Шишов).

Под инвариантными профессионально важными качествами педагога-психолога мы понимаем совокупность знаний, умений, навыков, социально востребованных качеств и способностей личности, позволяющих ему более успешно решать актуальные за-

дачи во всех направлениях профессиональной деятельности.

В их состав вошли двадцать ИПВК разделенные по шести компонентам разработанной нами модели ИПВК: эмоциональному (эмпатия, эмоциональная устойчивость, самостоятельность в принятии решений), коммуникативному (коммуникативность, лидерство), гностическому (знание содержания деятельности педагога-психолога, умения и навыки психолого-педагогической работы, интеллектуальность, находчивость и гибкость мышления, способность к творческому применению профессионального опыта, общая культура), мотивационному (оптимистичность, работоспособность, гуманность), практическому (организованность, ответственность, инициативность, направленность), рефлексивному (способность к саморегуляции, способность к адекватной самооценке, честность).

Исследование проводилось на базе факультета психологии ГОУ ВПО «Челябинский Государственный Педагогический Университет». В констатирующем эксперименте приняли участие 216 студентов IV-V курсов, в формирующем 87 студентов 4 курса. Оно охватило три учебных года и 4 этапа: (поисково-подготовительный, констатирующий, этап формирующего эксперимента и контрольно-обобщающий этап).

Развернута программа формирования ИПВК будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки, рассчитанная на 72 академических часа и состоящая из 9 модулей. Первый модуль программы направлен на выявление у студентов уровней проявления ИПВК. В ходе диагностики студенты имеют возможность оценить собственные возможности во взаимосвязи с будущей профессиональной деятельностью. Занятия второго модуля представляют собой лекции и семинары, направленные на формирование знаний о профессионально важных качествах и их специфике в отношении профессии педагога-психолога, создание положительной установки на формирование ИПВК. Каждый последующий модуль взаимосвязан с определенным компонентом системы ИПВК – эмо-

циональным, коммуникативным, гностическим и т.д. Полинаправленность занятий каждого модуля, взаимосвязь всех модулей программы между собой обеспечивает реализацию индивидуально-дифференцированного подхода к студентам. Большое значение имеет организация занятий, предусматривающая самостоятельную подготовку и проведение упражнений и заданий в тематике модулей программы, что способствует стимулированию творческой активности студентов. Занятия организовывались в форме лекций, семинаров, а также социально-психологического тренинга, групповых дискуссий, ролевых и деловых игр, психогимнастических упражнений, индивидуальных и групповых консультаций и т.д.

Результаты констатирующего и формирующего этапов эксперимента представлены в виде данных, полученных по методике изучения ПВК педагога-психолога В.И. Долговой, используемой в исследовании в качестве основной. По данным констатирующего эксперимента наиболее низкий уровень из всех компонентов занимает гностический, а именно: знания содержания деятельности педагога-психолога (средний балл равен 2,94), умения и навыки деятельности педагога-психолога (3,1 балла). Кроме того, среди личностных качеств, наименее выраженными у студентов факультета психологии оказались: лидерство (3,2 балла), эмоциональная устойчивость (3,3 балла), способность к саморегуляции (3,34 балла) и самостоятельность в принятии решений (3,35 балла).

Сравнение уровней сформированности качеств эмоционального компонента модели ИПВК педагога-психолога в ЭГ и КГ показало отсутствие значимых различий: $t_{эмп}$ (t-критерий Стьюдента) по каждому качеству находится в пределах 0,1-0,93, что меньше критического значения при $p < 0,05$. Значения $t_{эмп}$ по каждому качеству коммуникативного компонента находятся в пределах 0,18-0,84, что меньше критического значения при $p < 0,05$. Значения $t_{эмп}$ по каждому качеству гностического компонента находятся в пределах 0,03-1,32, это также меньше критического значения при

$p < 0,05$. Значения $t_{эмп}$ по каждому качеству мотивационного компонента находятся в пределах 0,12-0,84, что меньше критического значения при $p < 0,05$. Значения $t_{эмп}$ по каждому качеству практического компонента находятся в пределах 0,39-1,0, что ниже критического значения при $p < 0,05$. Значения $t_{эмп}$ по каждому качеству рефлексивного компонента находятся в пределах 0,002-0,98, что меньше критического значения при $p < 0,05$. Полученные данные позволили заключить, что значимые различия в уровне показателей проявления ИПВК педагога-психолога у испытуемых ЭГ и КГ до начала экспериментального взаимодействия отсутствовали.

Сущность формирующего эксперимента состояла в том, чтобы выбрать группу студентов и реализовать программу формирования ИПВК будущих педагогов-психологов в таких формах взаимодействия, как лекционные, семинарские занятия, коррекционно-развивающие упражнения, групповые дискуссии, ролевые и деловые игры, индивидуальное и групповое консультирование.

Сравнительный анализ эмпирических значений t-критерия Стьюдента позволил заключить, что по окончании формирующего эксперимента в ЭГ изменения уровневых показателей сформированности тринадцати ИПВК, входящих в состав пяти компонентов (эмоционального, коммуникативного, гностического, практического и рефлексивного) оказались статистически значимыми ($t_{эмп} > t_{кр}$, $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$), незначимыми изменения оказались в уровне формирования семи ИПВК ($t_{эмп} < t_{кр}$, $p \leq 0,05$).

Анализ полученных результатов позволил заключить, что реализация программы формирования ИПВК будущих педагогов-психологов оказалась наиболее результативной в отношении следующих качеств: лидерство ($\Delta t_{эмп} = 3,09$, $p < 0,01$), знания содержания деятельности педагога-психолога ($\Delta t_{эмп} = 3,0$, $p < 0,01$), способность к творческому применению профессионального опыта ($\Delta t_{эмп} = 2,76$, $p < 0,01$).

Менее значимые положительные изменения достигнуты по таким качествам, как эмпатия ($\Delta t_{эмп} = 2,25$), эмоциональная устойчивость ($\Delta t_{эмп} =$

1,98), самостоятельность принятия решений ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,12$), коммуникативность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,1$), умения и навыки деятельности педагога-психолога ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,19$), интеллектуальность, находчивость и гибкость мышления ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,09$), способность к адекватной самооценке ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,17$), способность к саморегуляции ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,97$), инициативность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,32$), направленность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 2,55$) ($t_{\text{эмп}} > t_{\text{кр}}$, для $p \leq 0,05$).

Еще ряд качеств, положительные изменения в уровне показателей которых произошли, но оказались недостаточными для уровня статистической значимости ($p \leq 0,05$), указывает на необходимость дальнейшего совершенствования содержательных и функциональных аспектов программы формирования инвариантных профессионально важных качеств будущих педагогов-психологов. Это следующие качества: общая культура ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,59$), оптимистичность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,76$), работоспособность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,49$), гуманность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,82$), организованность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,42$), ответственность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 1,86$), честность и искренность ($\Delta t_{\text{эмп}} = 0,94$).

В КГ также обнаружены изменения показателей уровня сформированности ИПВК педагога-психолога, однако эти изменения не достигли величин, значимость которых подтверждается методами математической статистики.

Динамика показателей сформированности ИПВК в ЭГ и КГ проявилась в основном на двух уровнях – критическом и приемлемом, поскольку основная часть студентов ЭГ и КГ обнаружила проявление ИПВК именно на этих уровнях: среднее количество студентов с проявлением ИПВК на критическом уровне в ЭГ составило 40,53%, в КГ – 49,4%. Приемлемый уровень проявления ИПВК оказался в среднем у 47,9% студентов ЭГ и у 43,76% студентов КГ.

Анализ средних показателей распределения студентов по уровням сформированности ИПВК каждого компонента, позволил отследить общее направление произошедших в результате формирующего эксперимента уровней изменений в ЭГ и КГ. Количество студентов ЭГ с же-

лаемым уровнем сформированности ИПВК (11,1%) в среднем по выборке превышает их количество в КГ (3,6%). Приведенные данные свидетельствуют о наличии положительной динамики уровневых показателей сформированности ИПВК у студентов ЭГ после апробации программы формирования ИПВК будущих педагогов-психологов.

Таким образом, реализация программы оказалась результативной в отношении большинства инвариантных профессионально важных качеств будущих педагогов-психологов. Результатом реализации программы формирования ИПВК будущих педагогов-психологов стало повышение уровня сформированности ИПВК в ЭГ по отношению к КГ следующих компонентов: коммуникативного (лидерство на желаемом уровне 6,7%, на приемлемом – 11,7%, коммуникативность на желаемом уровне 11,4%); гностического (знания содержания деятельности педагога-психолога на приемлемом уровне 8%, способность к творческому применению профессионального опыта на приемлемом уровне 17,1%, умения и навыки деятельности педагога-психолога на желаемом уровне 5%, интеллектуальность, находчивость и гибкость мышления на желаемом уровне 7%); эмоционального (эмпатия на желаемом уровне 14%, эмоциональная устойчивость 7,9% на желаемом уровне, самостоятельность принятия решений – 9% на желаемом и 19% на приемлемом уровнях; рефлексивного (способность к адекватной самооценке на приемлемом уровне 11,9%, способность к саморегуляции на приемлемом уровне 20,3%); практического (инициативность на приемлемом уровне 6,8%, направленность на приемлемом уровне 12,3%).

Таким образом, выдвинутая гипотеза получила свое эмпирическое подтверждение.

В качестве перспектив дальнейшего изучения ИПВК педагога-психолога определены: исследование психолого-педагогических условий формирования ИПВК бакалавра по направлениям педагогического образования и педагога-психолога на этапе повышения профессиональной квалификации.

References:

1. Dolgova V.I., Pozharskii S.D. Akmeologiya (khrestomatiya) [Acmeology (Chrestomathy)]. – Chelyabinsk., ChGPU, 2001. – 54 p.
2. Dolgova V.I., Shayakhmetova V.K. Invariantnost' professional'no vazhnykh kachestv: Monografiya [The invariance of professionally important qualities: Monograph]. – Chelyabinsk., OOO «Izdatel'stvo REKPOL», 2009. – 314 p.

Литература:

1. Долгова В.И., Пожарский С.Д. Акмеология (хрестоматия) – Челябинск., ЧПУ, 2001. – 54 с.
2. Долгова В.И., Шаяхметова В.К. Инвариантность профессионально важных качеств: Монография – Челябинск., ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2009. – 314 с. – ил., табл.

Information about author:

Valeriy Shayahmetova - Senior Lecturer, Chelyabinsk State Pedagogical University; address: Russia, Chelyabinsk city; e-mail: valesha3004@mail.ru

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 32899949

GISAP Championships and Conferences 2015

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JUNE			
Technical Sciences, Construction and Architecture	18-24.06	I	Technical progress of mankind in the context of continuous extension of the society's material needs
Education and Psychology	04-09.06	II	Functions of upbringing and education in conditions of the accelerated socialization of the personality in the modern society
JULY			
Philological Sciences	15-22.07	II	Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.07	II	The event-based structure, as well as cognitive, moral and aesthetic contents of the historical process
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	21-27.07	II	Life and health of the person through the prism of the development of medicine, food safety policy and preservation of the biodiversity
AUGUST			
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	05-11.08	II	Modern trends in the intensive development of public relations and actual methods of their effective regulation
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	05-11.08	II	Material objects and their interactions in the focus of modern theoretical concepts and experimental data
Technical Sciences, Construction and Architecture	26-31.08	II	Peculiarities of development of public production means and material recourses ensuring the activity of the person in early XXI century
SEPTEMBER			
Education and Psychology	15-22.09	III	Pressing problems of interpersonal communications in the educational process and the social practice
OCTOBER			
Philological Sciences	08-13.10	III	The role of linguistics and verbal communications in the process of informational support of ethnic originality of nations and their progressive interaction
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.10	III	Factor of ideology and the driving force of human aspirations in the process of historical formation of moral and aesthetic culture
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	04-09.11	III	Modern features of development of Biological science as factors of solution of pressing problems of human survival and the natural environment
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	19-25.11	III	Conditions and aims of development of public processes in the context of priority of liberal values and respect to moral and cultural traditions
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	03-08.12	III	Innovative approaches to the solution of systemic problems of fundamental sciences and matters of practical implementation of innovations
Technical Sciences, Construction and Architecture	16-21.12	III	Combination of factors of productivity, efficiency and aesthetics in modern requirements to functions and quality of technical devices and construction projects

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>